

КОЛЫСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВЛЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

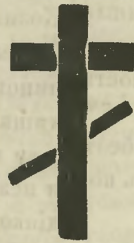
Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полную подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованными въ теченіе года, уничтожаются.

Жизнь, кончина и погребеніе Высокопреосвященнаго Иеронима, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго.

Въ 1 часъ 50 минутъ съ 1 на 2 ноября сего 1905 г. тихо въ Бозѣ почилъ Высокопреосвященный Иеронимъ, Архіепископъ Варшавскій и Привислинскій.

Смерть подходила къ почившему Архипастырю медленно. Уже болѣе года было слышно о недомоганіи нашего Владыки. Но большой усиливался побороть свою болѣзнь, и тамъ, гдѣ трудъ Архипастыря былъ весьма необходимъ, Высокопреосвященный выходилъ на работу. За работой мы застаемъ его даже въ послѣдніе предсмертные его дни. Такъ, 17 октября Владыка присутствовалъ на засѣданіи Варшавскаго Св. Троицкаго Братства и руководилъ этимъ засѣданіемъ. 19 октября покойный Архіепископъ по совершеніи литургіи, служилъ благодарственное молебствіе о дарованіи Россіи свободы манифестомъ 17 октября; 20 октября Высокопреосвященнымъ Владыкой была совершена панихида о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III; 21-го

Высокопреосвященнымъ Владыкою былъ отслуженъ молебенъ по случаю празднованія дня восшествія на престолъ Государя Императора Николая II. Въ этотъ день мы замѣтили крайнюю усталость молящагося Архіепископа. Но все же, не дальше какъ на другой день, именно 22 октября Владыка, по случаю храмоваго праздника Варшавской 1-ой женской гимназій, прибылъ въ храмъ и отслужилъ послѣ литургіи благодарственное молебствіе. Послѣ молебна Владыка долго благословлялъ воспитанниковъ, воспитанницъ, учащихся и другихъ присутствовавшихъ въ храмѣ богомольцевъ. Дѣлами Владыка занимался до 25 октября. Во вторникъ, 25 октября, съ утра, Его Высокопреосвященство почувствовалъ головную боль, но не придавъ этому особаго значенія и сталъ заниматься обычными дѣлами, и при этомъ окончилъ и подписалъ Архипастырское „Воззваніе свое къ пастырямъ Варшавской епархіи о воздѣйствіи съ ихъ стороны къ устраненію междо-

усобной розни среди населенія“. День этотъ Владыка провелъ вполне удовлетворительно, но ночью плохо спалъ, состояніе ухудшилось, почему утромъ приглашенъ былъ пользовавшій Владыку въ отсутствіе профессора Щербакова домашній врачъ, который призналъ положеніе серьезнымъ и прописалъ полный покой въ постели. Ночь со среды на четвергъ прошла довольно хорошо, и больной чувствовалъ себя удовлетворительно; слѣдующую же ночь опять состояніе ухудшилось. Въ пятницу приглашенъ былъ еще профессоръ В. В. Кудревецкій, который подтвердилъ поставленный домашнимъ врачомъ діагнозъ болѣзни. Въ субботу 29 октября, въ 11½ ч. дня послѣ исповѣди Владыка причастился Св. Таинъ. Въ воскресенье состоялся консилиумъ врачей съ участіемъ профессора Щербака, Рейхмана, которыми подписанъ слѣдующій бюллетень 30 октября 1905 г.: „Въ ночь съ 25 на 26 октября у Его Высокопреосвященства появились признаки закупорки мозговыхъ артерій; явленія эти постепенно усиливались; 27 октября больной находился въ почти безсознательномъ состояніи; параличныя явленія стали замѣтны въ лѣвой половинѣ тѣла, особенно въ лѣвой верхней конечности. Дѣятельность сердца удовлетворительна. Температура тѣла 37°, пульсъ—84“. 31 октября Владыка былъ почти безъ сознанія. Консилиумъ врачей 1 ноября призналъ положеніе больного Владыки безнадежнымъ.

1 же ноября въ 6 часовъ вечера было совершено надъ болящимъ Владыкою таинство Елеосвященія кафедральнымъ протоіереемъ П. Каллистовымъ и священниками Т. Теодоровичемъ и А. Квачевскимъ.

Когда распространилось извѣстіе о болѣзни Архипастыря, въ Варшавѣ стали возноситься во всѣхъ приходскихъ храмахъ молитвы „о болящемъ Архіепископѣ Геронимѣ“. 29 ноября всѣ священнослужители г. Варшавы, епархіальнаго и военнаго вѣдомствъ собрались въ Кафедральный соборъ и всѣ вознесли ко Господу молебствіе о недужномъ Архипастырѣ. Но назначенный Господомъ предѣлъ жизни Высокопреосвященнаго Архіепископа скоро приблизился. Какъ мы уже и сказали, — въ 1 часъ 50 минутъ ночи съ 1 на 2 ноября нашъ Архипастырь Геронимъ тихо въ Бозѣ почилъ.

Когда на почившаго Высокопреосвященнаго Владыку были возложены по чину Архіерейскія облаченія, была тотчасъ же въ покояхъ Архипастыря совершена панихида, и протоіереи и священники стали посмѣнно читать Евангеліе у гроба почившаго. 2 ноября въ 1 часъ дня собралось у гроба 15 священнослужителей во главѣ кафедральнаго протоіерея, которые совмѣстно и стали совершать панихиду. Во время панихиды у тѣла Архіепископа поподіаконы и причетники держали дикиріи, трикирїи и рипиды. Несмотря на то, что по краткости времени оповѣщенія о панихидѣ сдѣлано не было, до-

вольно обширный залъ архіерейскаго дома былъ переполненъ молящимися, среди которыхъ было много представителей высшаго русскаго общества. Много собралось также молящихся у гроба Архипастыря и въ 7 часовъ вечера того же дня.

Въ четвергъ, 3 ноября въ 12 часовъ дня, панихиду у гроба со многочисленнымъ духовенствомъ въ присутствіи многочисленныхъ богомольцевъ совершилъ Преосвященный Евлогій, Епископъ Холмскій и Люблинскій, немедленно прибывшій въ Варшаву по полученіи извѣстія о кончинѣ Архіепископа Геронима. Тогоже, 3 ноября въ 5 час. веч. было совершено перенесеніе тѣла почившаго Архіепископа Геронима въ Кафедральный соборъ Св. Троицы. Въ 4½ час. по полудни былъ произведенъ перезвонъ; въ 5 ч. крестный ходъ изъ собора направился въ покои Владыки. У гроба почившаго Владыки была совершена литія. Выносъ тѣла совершился въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) впереди псаломщикъ Крестовой церкви въ стихарѣ несъ фонарь; 2) діаконъ П. Теодоровичъ несъ запрестольный крестъ; 3) 2 діакона Козиловскій и Соколовъ и 2 псаломщика Гольмъ и Семеновскій несли крышку гроба; 4) далѣе шли чиновники консисторіи и корпорація духовнаго училища; 5) архіерейскіе пѣвчіе въ кунтушахъ; 6) далѣе шли псаломщики Дисковскій, Грушецкій, Филатовъ и псаломщикъ Крестовой церкви по два въ рядъ, діаконъ Фортунатовъ и іеродіаконъ Крестовой церкви, священники и протоіереи по два въ рядъ, послѣдніе съ архіерейскими регалиями; 7) послѣ слѣдовалъ Епископъ Евлогій; 8) протодіаконъ и соборный діаконъ съ кадилами; 9) посошникъ съ посохомъ покойнаго Владыки и лампадчикъ съ лампадой; 10) духовникъ почившаго іеромонахъ Іоанникій съ двумя псаломщиками по сторонамъ Павелко и Скачковымъ съ иконами; 11) 2 діакона Игнатюкъ и Сокаль несли мантию почившаго Владыки; 12) за ними протоіереи и священники, числомъ 6, несли гробъ почившаго; по угламъ 4 воспитанника духовнаго училища въ стихаряхъ со свѣчами и 4 воспитанника—съ рипидами. По сторонамъ гроба 2 иподіакона съ дикиріемъ и трикиріемъ. За гробомъ родственники почившаго и богомольцы. По внесеніи въ соборъ и уставленіи гроба на катафалокъ, кафедральный протоіерей П. Д. Каллистовъ произнесъ ниже помѣщенную трогательную рѣчь. При выносѣ облаченіе было зеленое. По выслушаніи рѣчи было совершено заупокойное всенощное бдѣніе.

4 ноября—пятница. Заупокойная литургія архіерейскимъ служеніемъ началась въ 9 ч. утра. Литургію совершали Высокопреосвященный Никандръ Архіепископъ Литовскій и Преосвященный Евлогій, Епископъ Холмскій и Люблинскій съ ректоромъ Холмской семинаріи архимандритомъ Діонисіемъ и многими протоіереями и священниками. вмѣсто причастиаго стиха произнесъ надгробное слово

прот. Н. Л. Мизецкій. Послѣ литургіи было совершено отпѣваніе. Предъ отпѣваніемъ Преосвященный Евлогій произнесъ весьма назидательную рѣчь. Во время отпѣванія произнесли рѣчи протоіерей Ю. Татаровъ, священникъ Т. Теодоровичъ и ординарный профессоръ университета П. В. Никольскій. Перезвонъ былъ производимъ во все время чина отпѣванія. Облаченіе бѣлое. Послѣ отпѣванія произнесъ рѣчь смотритель варшавскаго духовнаго училища В. Щегловъ. Проводы тѣла почившаго Владыки на Вольское кладбище были совершены въ выше прописанномъ порядкѣ, съ тѣмъ отличіемъ, что за крестомъ несли хоругви. За гробомъ во главѣ духовенства слѣдовали: Архіепископъ Никандръ и Епископъ Евлогій. Со множествомъ молящихся въ храмъ и потомъ слѣдовавшихъ за гробомъ были: Начальникъ Привислинскаго края Генералъ-Адъютантъ Скалонъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа В. И. Бѣляевъ, Варшавскій губернаторъ Мартыновъ, президентъ гор. Варшавы, генералъ Бибииковъ и многіе другіе начальники учреждений г. Варшавы. Кромѣ архіерейскаго хора принималъ участіе въ проходахъ и хоръ л.-гв. литовскаго полка—въ кунтушахъ. Литовцы шли вслѣдъ за діакономъ, несущимъ крестъ. Облаченіе бѣлое. На Вольскомъ кладбищѣ тѣло почившаго встрѣтилъ причтъ кладбищенской церкви съ хоругвями и перезвономъ. Перезвонъ былъ и въ церквахъ по пути шествія къ кладбищу. Гробъ былъ обнесенъ вокругъ храма, сооруженнаго почившимъ Владыкой; по четыремъ угламъ храма — краткія литіи. Когда тѣло было внесено въ храмъ произнесъ рѣчь о любви почившаго Архипастыря благочинный 1 варшавскаго округа прот. Константинъ Голоскевичъ.

Теперь, ставъ у могилы почившаго святителя, вспомнимъ его минувшую жизнь.

Архіепископъ Иеронимъ, въ мѣрѣ Илья Тихоновичъ Экземплярскій, сынъ священника с. Дмитріевы Горы, Меленковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, родился 20-го іюля 1836 года и первоначальное воспитаніе получилъ дома, а среднее во Владимірской духовной семинаріи. Отсюда, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, онъ былъ отправленъ въ Кіевскую духовную академію, курсъ которой онъ окончилъ въ 1861 г. со степенью старшаго кандидата богословія, послѣ чего посвятилъ себя довольно продолжительной педагогической дѣятельности. Сперва онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ Черниговскую семинарію, гдѣ пробылъ годъ, а затѣмъ въ 1862 г. былъ перемѣщенъ въ духовную семинарію въ Кіевъ, гдѣ состоялъ преподавателемъ около двадцати лѣтъ. Здѣсь, кромѣ службы въ семинаріи, онъ преподавалъ Законъ Божій въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, коллегіи Павла Галагана (съ 1871 г.) первой мужской гимна-

зій, министерской и Фундуклеевской женскихъ гимназіяхъ. Здѣсь-же началась и его литературная дѣятельность, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ историческихъ, публицистическихъ и другихъ статей, а также многочисленныхъ рецензій, которыя печатались въ журналѣ: „Руководство для сельскихъ пастырей“, издававшемся при Кіевской духовной семинаріи. Будучи чрезвычайно дѣятельнымъ сотрудникомъ названнаго изданія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ помѣстилъ въ немъ, между прочимъ, слѣдующіе труды: „Нѣсколько словъ о картинѣ страшнаго суда“, „Условія поступленія молодыхъ людей духовнаго званія на приходъ и принятіе священнаго сана“, историческій очеркъ: „Русское бѣлое духовенство, какъ сословіе“, „Рекрутскіе выборы изъ русскаго приходскаго духовенства“, „Общество любителей духовнаго просвѣщенія“, „О церковномъ пѣніи“, „Трудность выхода на мѣста духовныхъ воспитанниковъ въ наше время“, „Причины нерасположенія нашего бѣлаго духовенства къ школѣ и наукѣ въ продолженіе XVIII столѣтія“, „Что сдѣлало земство на пользу народнаго образованія“, „О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ“, „Что мы должны желать отъ книги, назначаемой для первоначальнаго чтенія школьникамъ и грамотному народу“, „Нѣсколько словъ о духѣ и направленіи современной полемической литературы противъ раскола“, „Благодѣтельное вліяніе на Россію трудовъ и подвиговъ святыхъ Кирилла и Меѳодія“, „По вопросу о православно-церковномъ пѣніи“ и проч. Кромѣ того онъ помѣщалъ статьи въ „Кіевлянинѣ“ и въ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“. Весьма цѣнный трудъ Илья Тихоновича Экземплярскаго: „Руководство къ начальному обученію Дидактики и Методики. Учебникъ по педагогикѣ въ семинаріяхъ“, явился въ 1865 году. Этотъ трудъ имѣетъ большое значеніе и въ настоящее время.

Въ 1870 г. И. Т. Экземплярскій былъ удостоенъ степени магистра богословія, а въ слѣдующемъ году рукоположенъ во священническую санъ. Въ 1877 г. онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Овдовѣвъ 1885 г., отецъ Экземплярскій постригся въ монашество съ именемъ Иеронима, возведенъ былъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ кіево-михайловскаго Златоверхаго монастыря, который своимъ благоустройствомъ много ему обязанъ. 3-го ноября того-же года архимандритъ Иеронимъ былъ хиротонисанъ въ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи. Пять лѣтъ пробылъ онъ на этомъ мѣстѣ и въ теченіе этого времени обратилъ большое вниманіе на благоустройство монастырской жизни, обезпеченіе церковно-служителей и ихъ вдовъ, украсилъ и перестроилъ внутри древній соборный храмъ знаменитой обители. Наконецъ 3 января 1890 года Преосвященный Иеронимъ получилъ самосто-

ятельную кафедру, будучи назначенъ епископомъ Томбовскимъ и Шацкимъ. За четыре года своего пребывания, здѣсь, епископъ Геронимъ много потрудился для церковнаго дѣла, открылъ много новыхъ церковно-приходскихъ школъ, учредилъ нѣсколько приходскихъ попечительствъ, основалъ общество трезвости и т. д. Въ 1894 г. послѣдовало Высочайшее учрежденіе о бытіи Преосвященному Герониму епископомъ литовскимъ и вилескимъ, виленскаго Свято-Духова монастыря священно-архимандритомъ. И на этомъ мѣстѣ служенія своего, Преосвященный Геронимъ заявилъ себя ревностнымъ архипастыремъ, много поработалъ на пользу духовнаго просвѣщенія, въ дѣлѣ устройства церковно-приходскихъ школъ и ревниво оберегая и утверждая православіе въ краѣ. Въ 1896 г. онъ возведенъ въ архіепископскій санъ.

27-го февраля 1898 года Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о бытіи Преосвященному Литовскому Герониму Архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ.

Скоро въ Варшавѣ или, правильнѣе, въ Холмско-Варшавской епархіи, стала извѣстна скорбь православной Вильны и, вообще, Литовской епархіи по поводу перемѣщенія любвеобильнаго Архипастыря Геронима изъ г. Вильны. Отголоскомъ этой скорби явились статьи во многихъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ указывались основанія этой скорби. Литовское православное общество заявило въ печати объ усердныхъ заботахъ архипастыря: то о благолѣпнн и приумноженіи храмовъ Божіихъ въ епархіи, то о выразительномъ чтеніи и прекрасномъ пѣніи въ храмахъ, то о приумноженіи церковно-приходскихъ школъ, то объ усердіи Архипастыря къ проповѣдыванію Слова Божія съ своей кафедры, то, наконецъ, объ усердіи Архипастыря къ благотворительнымъ учрежденіямъ. Виленцы указывали на его многочисленныя матеріальныя пожертвованія въ пользу православно-русскаго дѣла въ епархіи, которыя не могли укрыться отъ человѣческаго взора;—указано было на то, что пожертвованія Архипастыря на добрыя дѣла епархіи въ теченіи четырехлѣтняго его пребыванія на Литовской кафедрѣ превышаютъ сумму 70 тысячъ рублей, не говоря о пожертвованіяхъ, незаписанныхъ человѣческою рукою. Поэтому понятна скорбь виленцевъ при разставаніи съ этимъ своимъ Архипастыремъ.

Тяжело было и Высокопреосвященному Архіепископу разставаться съ своими пасомыми, съ которыми прожилъ по взаимной любви 4 года; понятно,—и растеніе съ трудомъ вырывается изъ почвы для перенесенія въ другое мѣсто, если это растеніе болѣе или менѣе долго укоренилось въ почвѣ и если растеніе и почва соотвѣтствовали другъ другу. Свою скорбь при разставаніи съ своею паствою и свою къ

ней любовь Архипастырь Геронимъ выразилъ и словомъ и дѣломъ. Архипастырь—любитель и цѣнитель церковнаго пѣнія, самъ обладавшій прекраснымъ теноромъ—подарилъ на память о себѣ на прощаніи съ воспитанниками Литовской духовной семинаріи органъ—гармонію американской работы, специально имъ выписанный и стоющій 1000 руб., завѣтъ Архипастыря своимъ пасомымъ любить церковное пѣніе и устроить прекрасныя хоры! При прощаніи не могли не выразиться особымъ образомъ любовь Архипастыря къ св. Духовскому Братству—этому сердцу Литовской епархіи. Помимо уже пожертвованныхъ имъ лично за время четырехлѣтняго управленія епархіей 10,000 р., внесъ еще при самомъ разставаніи съ Литовскою епархіей весьма щедрую жертву 5,000 р. на сооруженіе иконостаса въ церкви ново-свѣтской школы, сооруженной братствомъ памяти Царя-Миротворца исключительно на личныя средства Владыки; а возведенный великолѣпный въ древле Московскомъ стилѣ каменный храмъ во имя св. благовѣрнаго Александра Невскаго, стоитъ 30,000 р., въ каковую сумму не входитъ полный роскошный звонъ, доставленный по заказу того же владыки Геронима. Но и этого мало: на послѣднемъ засѣданіи св. Духовскаго братства, подъ председательствомъ виленскаго генераль-губернатора В. Н. Троицкаго, архіепископъ Геронимъ письменно заявилъ, что немедленно вышлетъ изъ Варшавы, мѣста новаго своего святительства, 5,000 р. на сооруженіе третьей по счету въ г. Вильнѣ каменной церкви—школы на предмѣстьѣ „Лукишки“, какъ только утверждёнъ будетъ планъ ея. А эта церковь—школа создана братствомъ на память о 300-лѣтнн годовщины св. Духова Храма.

Объ этихъ и подобныхъ фактахъ, сообщаемыхъ скорбящими по своему Архипастырѣ литовцами русскому обществу, православные варшавяне узнали скоро. Узнали они также и о томъ, что скорбь литовцевъ, какъ и слѣдуетъ, была разумна: они растворяли ее благопожеланіями Архипастырю успѣха его дѣятельности и на новомъ мѣстѣ своего служенія. Прощаясь съ своимъ Архіепископомъ въ храмѣ, православные виленцы возносили къ Богу молитвы, чтобы ихъ Архипастырь—этотъ свѣтильникъ, свѣтившій на свѣщницѣ Литовской епархіи въ теченіе четырехъ лѣтъ и переносившійся на окраину нашего отечества, въ Варшаву,—ярко сіялъ и сіялъ свѣтомъ православной церкви въ виду Россіи и не Россіи. Таковы были помышленія о новомъ Холмско-Варшавскомъ Архипастырѣ и православныхъ варшавянъ.

Въ то время, когда православные виленцы выражали свою скорбь при разставаніи съ своимъ Архипастыремъ Геронимомъ и при этомъ высказывали благопожеланія ему на новомъ мѣстѣ служенія, православные варшавяне выражали свою скорбь при про-

шани съ своимъ Архипастыремъ Флавианомъ, выражали ему также благопожеланія на новомъ мѣстѣ служенія его въ Грузіи. При этомъ варшавяне утѣшали себя тѣмъ, что на мѣсто всеѣми любимаго Архипастыря Флавіана назначенъ Архіепископъ Геронимъ, — и было основаніе этого утѣшенія. Архіепископъ Флавіанъ, при видѣ скорби по немъ своей бывшей паствы, утѣшалъ въ своемъ прощальномъ словѣ сѣтующихъ по немъ извѣщеніемъ, что на его мѣсто назначенъ благодѣтельный Архипастырь Геронимъ. „Меня утѣшаетъ, и васъ должно утѣщать, говорилъ разстающійся съ своею паствою святитель, что на мое мѣсто, по волѣ Божіей, грядетъ къ вамъ крѣпкій мене. Назначенный на мое мѣсто Высокопреосвященный Геронимъ извѣстенъ своимъ краснорѣчіемъ и большею сравнительно со мною опытностію; сердце его обильно любовію къ пасомымъ”. Это слово Архипастыря Флавіана было по сердцу православнымъ варшавянамъ: они, и невидя Архіепископа Геронима, уже возлюбили его. Здѣсь обнаружилось качество, свойственное въ мірѣ только одному человѣку: возлюбитъ другого только слыша о его добрыхъ словахъ и дѣлахъ.

Ожидавшійся православными людьми Привислинскаго края Архіепископъ Холмскій и Варшавскій Геронимъ прибылъ въ Варшаву 27 марта въ 8 часовъ утра. Къ этому времени на вокзалъ для встрѣчи Архипастыря прибыла масса публики.

Рѣчь Высокопреосвященнаго Архіепископа Геронима при вступленіи его на кафедру Холмско-Варшавскую напечатана въ 7 № Холмско-Варшавскаго Вѣстника за 1898 годъ.

44 года служенія почившаго архіепископа церкви, въ томъ числѣ 34—пастыремъ и въ нихъ 20 ровню лѣтъ архіереемъ, въ смыслѣ значенія жизни почившаго для Церкви Христовой, — говорятъ уже сами за себя. Тутъ, въ этой лѣтописи жизни такъ много свѣтлыхъ страницъ, что мы своей послѣдней рукой сейчасъ боимся ихъ и раскрывать здѣсь.... Но всегда кроткій духъ почившаго да проститъ намъ эти нѣсколько строкъ! Михайловскій въ Кіевѣ монастырь и его благоустройство, злополучные 1891—1892 г. когда по Руси пронесся вопль голодающихъ съ призывомъ на помощь во время тамбовскаго святительства почившаго, явившагося по истинѣ ангеломъ-утѣшителемъ для своей паствы; въ теченіе 9 мѣсяцевъ ежедневно Архипастырь выдавалъ голодающимъ по 7 пудовъ печенаго хлѣба и разослалъ по епархіи болѣе 700 противохолерныхъ аптечекъ), устроеніе свѣчнаго завода и пріюта для престарѣлыхъ священно-и церковно-служителей и ихъ вдовъ, постоянное проповѣдываніе Слова Божія и развитіе дѣла проповѣди по всей епархіи, церковное просвѣщеніе въ сотняхъ открытыхъ школъ, въ народныхъ изданіяхъ братствъ — это только немногіе немолчные свидѣтели Архипа-

стырскаго труда преосвященнаго Геронима въ епархіяхъ кіевской, тамбовской и виленской.

Служеніе почившаго въ нашемъ краѣ было болѣе продолжительно, около 8 лѣтъ. Весь свой многолѣтній опытъ и все высокія силы своего жизненнаго заката отдалъ почившій Владыка варшавской паствѣ. Онъ сдѣлалъ такъ много, что имя его въ церковной исторіи нашей западной окраины займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Мы здѣсь должны указать на то, что Архипастырь устроилъ на Вольскомъ кладбищѣ храмъ, стоящій 60,000 р. пожертвовалъ на устройство дѣтскаго пріюта 40,000 р. и 5,000 рублей на предположенное устройство богадѣльни. И, что больше всего чувствуется, почившій архіерей принесъ и неустанно возвѣщалъ намъ евангельскій миръ и любовь; ими горѣло сердце святителя даже тогда, когда, казалось, уже нѣтъ мѣста милосердію, кротости, прощенію. Высоко и убѣжденно святитель держалъ, не выпуская изъ рукъ до послѣдней минуты, это знамя христіанства — миръ и любовь, всегда вѣря въ ихъ непобѣдимость и могущество.

Архіепископъ Геронимъ имѣлъ ордена: Св. Владиміра 3 и 2 степени, Св. Анны первой степени и св. Александра Невскаго, а также двѣ Высочайше пожалованныя панагіи, украшенныя драгоценными камнями.

Одинъ изъ многочисленныхъ адресовъ виленскихъ почившему Владыкѣ, при разставаніи съ нимъ, говоритъ: „Одушевленный любовью къ ближнему, вы ближняго видѣли во всякомъ человѣкѣ, безъ различія религіи и происхожденія, и своимъ высокимъ примѣромъ внушали вашимъ духовнымъ дѣтямъ полную вѣротерпимость ко всеѣмъ людямъ. Притомъ вы не ограничивались только словомъ, но всегда на дѣлѣ доказывали, что сердцу вашему близки всеѣ страждущіе, кто бы они ни были”.

Миръ праху твоему, святитель, за миръ, данный тобою намъ! Вѣчная любовь и память о тебѣ за твою святительскую любовь! Милосердіе Отца Небеснаго — милосердному святителю!

Ниже приводимъ произнесенныя у гроба Святителя рѣчи, ясно характеризующія жизнь почившаго Архипастыря.

РѢЧЬ

при отпѣваніи Высокопреосв. Геронима, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, произнесенная Преосвященнымъ Евлогіемъ, Епископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ.

„Отецъ мой, отецъ мой”! восклицалъ нѣкогда въ глубокой горести древній пророкъ, когда увидѣлъ удалявшагося отъ него любимаго наставника — и — растерзалъ ризы свои (4 Ц. 2, 12). Сей скорб-

ный вопль простираю нынѣ и я, приближаясь къ гробу твоему, мой возлюбленный, мой незабвенный Владыка и благодѣтель,—и не одежды, а самое сердце мое терзается нынѣ острою, мучительною болью, при мысли о разлукѣ съ тобою. На чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ сердцу, Господь въ твоёмъ лицѣ послалъ мнѣ истиннаго наставника и любящаго отца;—и сколько даровъ любви твоей излилось на главу мою! Ты сказалъ мнѣ нѣкогда, что возлюбилъ меня, какъ сына. Исповѣдую глубокую правду этихъ святительскихъ словъ твоихъ: Ты оградилъ юность и неопытность мою завѣтами жизненной мудрости твоей. Ты возвелъ меня на высоту іерархическую, отъ твоей руки принялъ я сей Архипастырскій жезлъ, Ты заботливо руководилъ первыми шагами труднаго епископскаго подвига моего, наконецъ, уже сходя во гробъ ты благословилъ меня на путь самостоятельнаго іерархическаго служенія. Могу ли я забыть великую любовь твою?! И вотъ разрывается нынѣ въ этой земной жизни сей тѣсный союзъ любви, согрѣвавшій сердце и коренившійся въ глубинѣ его, и сжимается оно больно, тоскливо, сиротливо ощущая какую то гнетущую пустоту.

Простите мнѣ, бр., что я позволилъ себѣ занять вниманіе ваше личною исповѣдью моею сердечной скорби о почившемъ Владыкѣ. Я вижу, что скорбь моя сливается съ вашею общою скорбію о добромъ отцѣ нашемъ. И когда я смотрю на ваши омраченныя печалью лица, когда вижу эти слезы на глазахъ вашихъ,—мнѣ вспоминаются слова евангельскія о сынахъ чертога брачнаго, которые не могутъ печалиться и плакать, когда съ ними Женить; но когда отнимется у нихъ женихъ, тогда начинаютъ поститься и плакать. Сокровенная тайна взаимныхъ отношеній между пастыремъ и паствою въ Словѣ Божіемъ уподобляется союзу брачному въ его чистомъ, возвышенномъ христіанскомъ идеалѣ, сущность котораго заключается въ любви, простирающейся до самоотреченія, до полнаго единенія жизни любящаго съ жизнію любимаго существа, когда двѣ эти жизни какъ бы сливаются въ одну, когда нераздѣльны бываютъ и скорби и радости. Нынѣ отнимается у церкви Варшавской ея Женить, и плачетъ бѣдная вдовица и скорбятъ ея сиротѣвшія чада.

И это горе наше является тѣмъ болѣе трогательнымъ, что жизнь православной паствы здѣшней, особенно въ послѣдніе дни богата не радостями, а слезами и скорбями. И если бы мы могли заглянуть въ сердце почившаго Святителя, мы увидѣли бы, какими муками крестными оно билось за свое дорогое дѣтище, за свою горячо любимую страждущую паству „Я мученикъ” — такое признаніе невольно вырвалось однажды изъ сердца почившаго Владыки. Особенно много терзаній доставляла ему наша несчастная

многострадальная Холмская Русь, гдѣ православный русскій народъ ужъ много вѣковъ напрягаетъ послѣднія усилія, чтобы отстоять свою вѣру православную и русскую народность отъ напора враждебныхъ вліяній, гдѣ онъ изнемогаетъ въ неравной борьбѣ, гдѣ много овецъ уже похищено волками изъ стада Христова. Этому бѣдному Холмскому народу нашъ добрый Владыка отдалъ свое любвеобильное сердце еще при самомъ началѣ Архипастырскаго своего служенія здѣсь. Сколько любви и скорби въ его посланіяхъ къ этому народу, сколько нѣжной заботливости о его духовныхъ нуждахъ! И что же?! проникли ли эти слова любви въ омраченныя сердца? Откликнулись ли они на его призывъ и утѣшили ли отеческое сердце любящаго Архипастыря? Увы, бр., онъ могъ сказать о себѣ словами пророка: „Цѣлый день я простиралъ руки мои къ народу непослушному и упорному” (Ис. 65, 2). И уже на самомъ закятѣ дней его пастырскому сердцу нанесенъ былъ страшный ударъ массовымъ отпаденіемъ отъ Православной Церкви ея чада. И опять удрученный горемъ добрый старецъ собираетъ послѣднія слабѣющія силы, ѣдетъ въ Холмъ, опять кротко и ласково звучитъ тамъ въ собраніи пастырей его старческое слово, полное любви, терпѣнія и снисхожденія... Скорбя объ этихъ непослушныхъ чадахъ своихъ, нашъ добрый Архипастырь всегда болѣлъ душой и о тѣхъ, кто призванъ былъ воздѣлывать эту трудную тернистую ниву. Пусть пастыри глухихъ деревенскихъ приходоу нашей Холмщины притекутъ ко гробу сему и повѣдаютъ скорбь свою объ утратѣ ихъ дорогого любящаго отца. Наши женскія обители—нищія и убогія могли бы также сказать намъ, какую нравственную и матеріальную опору имѣли онѣ въ почившемъ благодѣтелѣ! Сколько слезъ отерла его рука! Сколько дѣтокъ-сиротъ безпріютныхъ накормила! Къ дѣтямъ особенно нѣжную любовь питалъ почившій. Говорятъ, что можно лице-мѣрить и въ любви; но любовь къ дѣтямъ — это необманчивый признакъ истинно-добраго сердца. И сердце нашего добраго Владыки никому такъ широко не открывалось, какъ къ „малымъ симъ”. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ ученикомъ Того Божественнаго Человѣколюбца, который Своєю любовью обнималъ и благословлялъ дѣтей (Мр. 10, 16).

И вотъ нынѣ отлетѣлъ отъ насъ нашъ добрый, кроткій ангелъ мира. Ушелъ отъ насъ нашъ прекрасный, незлобивый, благолѣпный старецъ. Что же воздадимъ тебѣ за любовь твою? Твоя Холмская паства горячо любила тебя при жизни; не порвалась эта любовь и съ отдѣленіемъ ея отъ твоего управленія. Напротивъ, вся наша Холмщина единодушно уже въ послѣдніе дни плела тебѣ вѣнокъ похвалъ, которымъ надѣялась порадовать твое Архипастырское сердце. Увы, теперь тебѣ не нужны эти знаки

любви нашей. Но вмѣсто сего мы принесемъ тебѣ чистый ѳиміамъ горячихъ молитвъ о душѣ твоей. Да воздастъ тебѣ сторицею за всю любовь твою Сама божественная любовь. На легкихъ крыльяхъ любви да вознесется добрая и любящая душа твоя въ то царство любви, гдѣ эта любовь будетъ горѣть вѣчнымъ немерцающимъ свѣтомъ въ сердцахъ тѣхъ, кто умѣлъ зажечь ея священный огонекъ еще въ этой земной жизни. А для насъ твоя кроткая, всепрощающая и милосердная любовь да будетъ незабвеннымъ священнымъ пастырскимъ завѣтомъ.

Р Ѣ Ч Ъ

сказанная наедральнымъ протоіереемъ П. Каллистовымъ 3 ноября по внесеніи въ Соборъ тѣла въ Бозѣ почившаго Архіепископа Іеронима.

Высокопреосвященный Владыко!

Что значитъ это необычное пришествіе твое въ свой кафедральный храмъ? Ты еще ни разу не входилъ сюда симъ образомъ страннымъ. Мы привыкли тебя встрѣчать здѣсь грядуща со славою, яко преемника апостоловъ, представляющаго Лицо Самого Христа Пастыреначальника. Давно-ли еще мы радостно стремились въ срѣтеніе тебѣ, не какъ начальнику, а какъ любимому отцу? намъ сладостно было видѣть твой ликъ, слышать твой нѣжный голосъ; быть близко къ тебѣ, молиться съ тобою доставляло намъ отраду, потому что въ этомъ общеніи нашемъ была „вѣра, любовью поснѣшествуема“ (Гал. 5, 6). Не было смятенія, ни страха,—была радость; потому что „любовь изгоняетъ страхъ“ (1 Іоан. 4, 18). А теперь мы въ смятеніи, мы смущены. Встрѣча съ тобою не радуется насъ: мы плачемъ...

Что же случилось? Увы, уже не благословить насъ десница твоя, щедрая на всякое даваніе благо; уже не освѣтитъ, не согрѣетъ взоръ твой ясный сердца тоскующаго, унывающаго. Мы видимъ предъ собою не бодраго, благолѣпнаго первосвященника, въ веселіи и радованіи идущаго къ жертвеннику Божію вознести къ Богу жертву хваленія и умиловленія за себя и за всѣхъ насъ. Видимъ предъ собою тебя изнемогшаго, уязвленнаго жаломъ смерти, нуждающагося въ молитвахъ и жертвахъ другихъ о себѣ.

Намъ не вѣрилось, что это неизбѣжное сбудется такъ скоро. Подъ твоимъ отеческимъ крыломъ, намъ было слишкомъ хорошо и безопасно, чтобы думать о близкомъ концѣ. Твой пастырскій посохъ былъ для насъ не жезломъ желѣзнымъ поражающимъ, сокрушающимъ, но жезломъ правоты (пс. 44, 7), правильного руководства, куда идти,—источникомъ увѣренности и утѣшенія, по слову Псалмопѣвца: „жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшита“ (Пс. 22, 4).

Тѣ качества добраго пастыря, которыя перечисляетъ св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ любимому ученику Тимоѳею, убѣждая его быть образцемъ въ словѣ, въ жизни, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ (1 Тим. 4, 12),—всѣ эти качества присутствовали въ тебѣ, но изъ нихъ ярче всѣхъ, какъ бриллиантъ твоей святительской панагіи, блистала любовь твоя, никогда не прекращающаяся, которая, по Апостолу, есть совокупность совершенства (Кол. 3, 14). Эта любовь состраждущая научила тебя немощи немощныхъ посити (Рим. 15, 1). Она открыла тебѣ тайну паденія и тайну возрожденія душъ человѣческихъ и дала тебѣ искусство врачевать эти души грѣшныя, искупленная кровію Сына Божія. Эта любовь всеубѣждающая покорила тебѣ сердца многихъ во всѣхъ мѣстахъ твоего служенія. Четыре великихъ города съ ихъ областями черпали обильно изъ богатаго источника твоей благодати, и мы послѣдніе едва-ли не болѣе всѣхъ. Тому назадъ семь съ половиною лѣтъ ты пришелъ сюда, въ этотъ св. храмъ, еще бодрый и свѣжій для твоего возраста; въ послѣдніе годы свѣтло твое видимо клонилось къ западу, но его свѣтъ тихій, какъ свѣтъ заходящаго солнца—образъ невечерняго свѣта Христа—имѣлъ особенное свойство не опалить и не ослѣпить, по дивно очаровывать душу, вливая въ нее ясность, тихую отраду, предвѣстіе вѣчнаго радованія о Господѣ.

Владыко святыи! Зачѣмъ ты насъ покидаешь?—въ такое тяжелое время, полное опасностей и мучительныхъ предчувствій? Пастырь, зачѣмъ оставляешь стадо, расхищаемое волками? Кормчій, зачѣмъ бросаешь корабль обуреваемый, сокрушаемый волнами, которому нужна была твоя любовная мудрость, чтобы вѣрно идти въ тихую пристань?

Отецъ нашъ! Какъ хотѣлось-бы сѣсть у ногъ твоихъ, взяться крѣпко—крѣпко заризы твои и закричать громко съ болію сердца: Владыко! не уходи... Кто такъ кротко, какъ ты, будетъ пасти насъ на пажитяхъ зланныхъ? Кто будетъ водить насъ къ водамъ тихимъ? (пс. 22, 2). Кто будетъ покровителемъ вдовъ и сиротъ, нѣжнымъ отцемъ для дѣтей, питателемъ немощныхъ и немощныхъ, которымъ ты расточалъ блага щедрой рукою? Владыко! останься съ нами... благодѣтельствуй еще... Но если это не возможно, если не можешь послушаться гласа, призывающаго тебя, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ станешь въ чинѣ своемъ, въ ряду святителей великихъ и прославленныхъ, поминай чадѣ твоихъ, чтобы святые сѣмена, которыя ты въ нихъ сѣялъ обильно, взошли и принесли свой плодъ, — чтобы всѣ мы, согрѣтые любовью твоею, возрасли въ достойныхъ сыновъ царствія Божія.

С Л О В О

надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Архiep. Иеронима, произнесенное протоіереемъ Н. Мизецкимъ.

Св. Іоаннъ Богословъ заканчиваетъ свой Апокалипсисъ такими словами:

„И показалъ мнѣ ангелъ чистую рѣку воды жизни, свѣтлую какъ кристалль, исходящую отъ престола Божія (22, 1).

Господь призвалъ къ Себѣ возлюбленнаго отца нашего Архiepастыря Иеронима. Болитъ сердце скорбію отъ этой разлуки... Но она разгоняется тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ мы видимъ образъ усопшаго духъ котораго погрузился въ чистую, свѣтлую рѣку воды жизни, текущую къ Богу.

Около 4-хдесятокъ лѣтъ я непрерывно пребывалъ въ любви Архiepастыря Иеронима, и потому могу и долженъ нынѣ свидѣтельствовать о его чистой, какъ кристалль, душѣ и о тѣхъ рѣкахъ живой воды, которыя постоянно текли изъ нея.

Благослови, усопшій Владыко, во славу Божію повѣдать житіе твое.

Переносусь воспоминаніями въ Богоспасаемый Кіевъ.

Вотъ страшная буря на Днѣпрѣ. Она цѣлый день носить на волнахъ лодку съ людьми. Только чудомъ Божіимъ спасаются онѣ, въ томъ числѣ и юноша нѣкій, слѣдовавшій въ Кіевъ для окончанія образованія. Но спасшійся отъ смерти на водѣ, онъ долженъ былъ въ многолюдномъ городѣ погибнуть отъ голода и холода, отъ бѣдности. Юношу спасло опять чудо. Его пригласилъ къ себѣ профессоръ семинаріи Ілія Тихоновичъ Экземлярскій. Такъ назывался въ мірѣ нашъ Владыка. Онъ посадилъ юношу въ своемъ кабинетѣ, приласкалъ и, нѣжно щадя самолюбіе юноши, предложилъ ему свою одежду и далъ билеты на полученіе бесплатныхъ лекарствъ.

Отцы и братія. Я знаю того юношу, ибо это былъ я. Это мнѣ усопшій Владыка сотворилъ такое добро, никогда меня дотолѣ не знавшій. И я его не зналъ и не искалъ его, а онъ искалъ таковыхъ. Единая токмо бѣдность моя приблизила его сердце ко мнѣ. Такъ началась его любовь ко мнѣ.

Кто въ Кіевѣ не зналъ, кто въ Кіевѣ не любилъ Ілію Тихоновича? Особенно любили его ученики Семинаріи и ученицы Епарх. училища. Его лекціи были—семейная бесѣда. Къ каждому онъ, какъ родной, улыбнется, каждого поддержитъ, приласкаетъ, пожалѣетъ. Въ воскресные дни онъ собиралъ насъ, будущихъ священниковъ, на свои праздничныя бесѣды, училъ говорить проповѣди, жить съ людьми.

Весь Кіевъ тогда любилъ его пѣніе въ церкви.

Вотъ и сейчасъ въ моихъ ухахъ стоитъ голосъ его молитвеннаго пѣнія: „едино просихъ отъ Госпо-

да, то възмишу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего; зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святыи Его (Пс. 26). О чемъ онъ пѣлъ, то Господь ему и далъ. Онъ избранъ былъ въ законоучители коллегіи Павла Галагана.

Посвящая его во священника къ церкви той коллегіи, Митрополитъ Арсеній сказалъ ему: „у васъ, изыщнаго во всяхъ отношеніяхъ, и церковь будетъ изыщна“. Посѣтившая вкорѣ ту церковь Императрица Марія Александровна долго говорила съ о. Ілією и потомъ сопровождавшимъ ее сказала: „перваго такого священника встрѣчаю“.

Митр. Платонъ всеѣмъ сердцемъ полюбилъ о. Ілію Тихоновича и убѣдилъ его принять санъ архіерейскій, быть у него викаріемъ. „И откуда у тебя все это, чего и мы не имѣемъ“, выражалъ онъ удивленіе своему избраннику.

Но раньше принятія архіерейскаго сана въ жизни о. Іліи Тихоновича былъ случай, получившій историческую извѣстность.

Въ каникулярное время, въ м. Коростышевѣ, живя на дачѣ, за болѣзнію мѣстнаго священника, моего тестя, Протоіерей Ілія Тихоновичъ Экземлярскій встрѣчалъ и принималъ Митрополита Платона. Сей сподвижникъ м. Семашки въ Вильнѣ радостію радовался, видя особенную любовь между духовенствомъ православнымъ и католическимъ въ Коростышевѣ. Онъ посѣтилъ и то и другое духовенство, и священника и ксендза, церковь и костель, и въ послѣднемъ назвалъ костель и церковь родными сестрами, которыя давно поссорились, но въ свое время помирятся и будутъ опять едино. Душою этого великаго событія былъ Протоіерей Ілія Т. Экземлярскій.

Потомъ послѣдовали постриженіе его въ монашество и хиротонія во Епископа 3 ноября, ровно 20 лѣтъ назадъ. Стоялъ при постриженіи въ пещерахъ Кіевской Лавры и я, и такъ близко, какъ Іоаннъ Богословъ при крестѣ, такъ близко, что слышалъ, какъ постригаемый учитель мой говорилъ постригавшему Архимандриту Ювеналію, указывая на меня—„это чадо мое“!

„Хорошо управлявшій домою своимъ и дѣтей своихъ содержавшій въ послушаніи со всякою честностію“, Преосв. Иеронимъ сталъ для Кіева, Тамбова, Вильны и Варшавы такимъ епископомъ, какого желалъ Ап. Павелъ въ Посланіи къ чаду своему Тимоѳею (1 Тим. 3, 1—7). Могу ли не вспомнить и сего? Когда Владыка Иеронимъ первый разъ вступилъ въ Сѣдлецкій соборъ, то на мою рѣчь отвѣтилъ: „возлюбленный ученикъ мой, оставляя Вильну и отправляясь въ Варшаву, я думалъ о тебѣ. Нынѣ радуюсь за тебя“.

Сколько добра полилось отъ нашего Владыки на всю Холмско-Варшавскую Епархію, на ея монастыри, церкви, братства, особенно на св. Троицкое.

Варшавское, которому такъ недавно онъ далъ 40,000 р. на дѣтей, на попечительство, школы, пріюты на вдовъ, сиротъ и подкидышей! Кратко упомяну только о томъ, что поступило черезъ меня. На Вировскую обитель Владыка пожертвовалъ нѣсколько тысячъ. Игуменію Анну на свои средства посылалъ лечиться въ Италію. На Сѣдлецкую церковь-школу далъ 2,300 р. и въ каждую церковь прислалъ или деньги, или ризы, иконы.

Благодаря ему Холмское женское училище имѣетъ двѣнадцать стипендій для дѣвицъ духовного званія. Говорить ли о многочисленныхъ Архипастырскихъ посланіяхъ усопшаго Владыки, въ которыхъ онъ сердцемъ своимъ обнималъ каждого пастыря, каждого отъ униіи воссоединившагося и каждого упорствующаго! И послѣднимъ его дѣломъ передъ смертію было Архипастырское Посланіе къ намъ пастырямъ послушаю переживаемыхъ событій.

Вся жизнь Владыки была одно только добро, одна любовь ко всѣмъ. За то и кончину ему Господь далъ тихую, безболѣзненную. Чистая душа его спокойно погрузилась *въ чистую рѣку воды жизни, текущую къ Богу.*

Благодаримъ тебя, Господи, что въ лицѣ почившаго Архипастыря мы имѣли отъ Тебя Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ.

Дорогой Наставникъ мой, Благодѣтель и Отецъ. Вотъ я, какъ самарянинъ, единъ отъ десяти прокаженныхъ, видя, яко исцѣлѣвъ, падаю ницъ у гроба твоего и гласомъ велиимъ славу Богу и тебѣ благодареніе приношу.

Всю жизнь свою я старался исполнять твои живые уроки, *творить такожде, яко же и ты творилъ.* Теперь, по смерти твоей, за упокой души твоей, буду стараться алчущаго напитать, жаждащаго напоить, странника ввести въ домъ, нагаго одѣть, больнаго и въ темницѣ посѣтить. Ты же не оставь меня и оттуда своею любовію.

Господи, Иисусе Христе! Молитвами святителя Геронима, даруй всѣмъ намъ то, о чемъ онъ непрестанно Тебя молилъ: миръ, тишину, здравіе и во всемъ благопоспѣшество. Аминь.

РѢЧЬ

сказанная Протоіереемъ Ю. В. Татаровымъ при гробѣ Высокопреосвященнаго Геронима во время отпѣванія.

Холмско-Варшавская Епархія такъ недавно раздѣлена на двѣ епархіи—Варшавскую и Холмскую. И вотъ первая снова ущебляется и какъ бы вновь раздѣляется. Ее на вѣки покидаетъ нашъ возлюбленный Архипастырь—Отецъ. Велика наша скорбь; она не вмѣщается въ нашемъ сердцѣ и глубоко по-

трясаетъ всю осиротѣвшую паству. Вчера почтенный настоятель сего кафедральнаго храма въ глубоко трогательной рѣчи правдиво выразилъ какъ привлекательныя черты почившаго, такъ и общее искреннее печалованіе. Неоднократно, обливаясь слезами, онъ взывалъ къ почившему: зачѣмъ покидаешь насъ, дорогой отецъ, не уходи отъ насъ, останься съ нами. И всѣ мы вмѣстѣ съ нимъ плакали и мыслью—сердцемъ вторили: не уходи, останься: . . . Но взыванья наши безсильны предъ смертію, совершилась воля Божья, и потрясенный ораторъ закончилъ свою рѣчь прощальнымъ: иди съ миромъ.

Иди . . . Но куда? Изъ Варшавы все таки не уходи. Иди къ той паствѣ Варшавской, которая очень многочисленна, но пребываетъ безъ архіерея. Иди-же съ миромъ и устрой тамъ новую, особую Варшавскую епархію. Говорю о Волѣ, о Вольскомъ православномъ кладбищѣ. Сколько тысячъ легло тамъ православныхъ;—сколько высокихъ мыслей, чувствъ и дорогихъ воспоминаній погребено тамъ! И у большей части этихъ покойниковъ давно никого изъ сродниковъ не осталось въ Варшавѣ. Они въ нѣкоторомъ родѣ сироты. Не мало тамъ и нашихъ собратовъ пастырей. Въ короткое время изъ нашего недлиннаго ряда служителей Божіихъ смерть призвала туда достойныхъ протоіереевъ: Метаньева, Горизонтова, Костылева, Чеховича, Левашева, Жахановича, Корженевского—тихо они почиваютъ тамъ, на Вольскомъ православномъ кладбищѣ. Теперь вотъ и Архіерей, великій іерархъ и молитвенникъ, идетъ къ нимъ. Идетъ онъ во всеоружіи духовномъ и съ знаменемъ чрезвычайнымъ и лучезарнымъ. Провидящій, онъ съ первыхъ дней своего служенія въ Варшавѣ прилагалъ постоянныя заботы о лучшемъ порядкѣ и устройствѣ Вольскаго кладбища, на которомъ, наконецъ, на свои средства построилъ новую прекрасную церковь, подъ сводами которой уже заложена его любовь—его любимый сынъ, а подъ олтаремъ церкви уготовано мѣсто вѣчнаго жилища для его Архіерейства. Вотъ гдѣ теперь возникаетъ новая Варшавская епархія съ Архіереемъ, съ сонмомъ пресвитеровъ и многими тысячами православныхъ покойниковъ. Иди, Архипастырь, и духомъ твоимъ—управь въ созданномъ тобою храмѣ усердную молитву о почивающихъ, о новой твоей паствѣ. Твое тамъ устройство такъ велико и многозначительно, что вся Россія, на обширномъ пространствѣ которой разсѣяны сродники почивающихъ въ твоей епархіи, будетъ благословлять твое незабвенное имя и благодѣянія твоего Архіерейства. Въ этомъ сознаніи и убѣжденіи мы и говоримъ тебѣ, нашъ дорогой Отецъ: иди съ миромъ. Предаемся волѣ Божьей. — Но на прощанье съ тобой позволь намъ искреннимъ, нелицемѣрнымъ сердцемъ принести тебѣ долгъ нашей признательности за твою великую

любовь къ намъ, за высокія качества души твоей, всегда творчески оживлявшія и ободрявшія нашъ пастырскій путь, за твое мудрое управленіе нынѣ осиротѣлой паствой.

Много уже объ этомъ сказано предъ твоимъ, незабвенный Архипастырѣ, гробомъ. Все слышанное единомысленно всѣ раздѣляютъ и сердцемъ воспринимаютъ. Однако это не удовлетворяетъ окружающихъ гробъ любимаго Архипастыря-Отца. Всѣмъ громко хотѣлось бы выразить свою любовь къ нему и словомъ цѣловать добрую память его. Многие, въ особенности пастырская и консисторская семьи, когда узнали о томъ, что я хочу и что мнѣ дозволено словомъ сыновней любви и признательности поклониться гробу сему и почитать память почившаго Архипастыря, просили меня принять ихъ при этомъ въ сердечное общеніе. Извѣщая васъ, братья и друзья, что посилено вмѣщаю васъ въ моеи словѣ, сипетая вѣнокъ благодарной любви и сердечной признательности на гробъ нашего дорогаго, горячо любимаго и незабвеннаго Архипастыря и Отца.

Справедливый и твердый безъ жестокости, снисходительный безъ челоуѣкоугодливости, наблюдательный безъ подозрительности, учительный безъ суровости и навязчивости, самъ независимый по характеру и умѣвший, когда нужно было, съ достоинствомъ отстаивать свои Архіерейскія права, по этому и въ другихъ не терпѣвший фарисейства и приниженности, всегда простой и открытый, отвращавшійся всякой лести и во всѣхъ случаяхъ спокойно разсудительный—таковъ былъ тотъ, котораго мы теперь лишаемся, Преосвященный Геронимъ!

И какъ намъ не плакать, не горевать по немъ.

О, если бы почившій могъ услышать насъ, заглянуть въ наши сердца и измѣрить нашу великую печаль! . . . Но если это не возможно для него, скваннаго смертью, то хотя вы, дѣти его, сыновья и дочь, узнайте о нашей любви къ вашему достойному отцу и о той памяти, которую онъ оставляетъ по себѣ. Не хочу раздражать вашей скорби, но безопасно могу сказать вамъ: дай Богъ, чтобы каждый сынъ и каждая дочь, въ подобной печали, могли имѣть такое утѣшеніе, какое завѣщаетъ вамъ вашъ незабвенный отецъ, оставляя по себѣ столь дорогую память не только для присныхъ, но для многихъ, очень и очень многихъ знающихъ его, не только для всей Варшавской паствы, но и для бывшихъ паствъ его: Кіевской, Тамбовской и Виленской, гдѣ память о немъ ярко жива и совершается съ великими похвалами. Какимъ онъ былъ тамъ, такимъ же остался и до конца дней своихъ на послѣднемъ мѣстѣ своего служенія — Варшавской епархіи.

Немногіе факты изъ нашихъ воспоминаній могутъ оправдать и утвердить сказанное. Первый и

важнѣйшій вопросъ, на который онъ, по прибытіи въ Варшавскую епархію, обратилъ самое серьезное вниманіе, это былъ вопросъ о слѣдственныхъ дѣлахъ и о духовномъ судѣ. Самъ много лѣтъ священствовавшій, онъ хорошо зналъ и высказывалъ что, какъ легко возбудить жалобу противъ священника и какъ послѣдному трудно оправдываться. Священникъ, не рѣдко говорилъ онъ, несправедливо оклеветанный, непременно встрѣтитъ укору и притязанія со стороны общества, если обратится въ судъ съ жалобой на клеветника; вы, скажутъ ему, пастырѣ духовный, который и враговъ долженъ прощать, а не разводить распри, несогласія и вражду. И приходится конечно и молчать и прощать; а между тѣмъ клевета оставила свой черный слѣдъ въ приходѣ, а въ душѣ пастыря безпокойство и угнетеніе. Въ виду этого, почившій Архипастырѣ только въ крайнихъ случаяхъ допускалъ гласныя слѣдственныя дѣла, предпочитая имъ негласныя разслѣдованія и большою частью Архіерейскій отеческій судъ. Теперь много говорятъ о пользѣ условнаго суда и наказанія. Въ этомъ отношеніи Архіерейскій судъ имѣетъ самое высокое и незамѣнимое значеніе. Намъ извѣстны случаи, когда виновные пастыри довѣрчиво открывали предъ своимъ Архипастыремъ всю свою душу, послѣ чего условно были прощены и помилованы и затѣмъ не только исправлялись, но какъ бы перерождались. Въ подобныхъ случаяхъ почившій Архипастырѣ творилъ великое дѣло епископства, представляющаго образъ всепрощающаго и милующаго Пастыреначальника Христа. Дѣянія Преосвященнаго Геронима въ этомъ отношеніи многоплодны, святы и поистинѣ незабвенны.

Вспоминаемъ и первое посѣщеніе имъ Варшавскихъ церквей. Сколько благи, отеческой любви и мира принесъ онъ и намъ, пастырямъ, и нашимъ прихожанамъ. Съ добрымъ и кроткимъ лицомъ онъ самъ всѣмъ намъ многолѣтствовалъ, всѣхъ ласково научалъ, всѣмъ преподавалъ завѣты добра и христіанской любви, всѣхъ ободрилъ и утвердилъ въ христіанскомъ единеніи.

Слѣшить онъ, далѣе, познакомиться съ духовенствомъ, собираетъ въ г. Холмѣ благочинныхъ и отечески бесѣдуетъ съ ними о нуждахъ и потребностяхъ епархіи, о положеніи пастырей. Впечатлѣніе отъ этого собесѣдовательнаго общенія получилось чрезвычайное; всюду заговорили о высокіхъ душевныхъ качествахъ Преосвященнаго Геронима, о его простотѣ, доступности и сердечномъ, внимательномъ отношеніи его къ духовенству. Все это въ высшей степени расположило духовенство къ Архипастырю и, какъ всюду было слышно, обязывало его, пастырство, служить дѣлу Божию по совѣсти и съ усердіемъ. Истинная любовь дѣйствительна, и въ данномъ случаѣ она вполне оправдала себя. Архи-

пастырь радовался и искренно полюбил своих сопастырей. Между прочимъ, когда его разъ спросили о силѣ и средствахъ того впечатлѣнія и благотвѣтельнаго воздѣйствія, которое онъ произвелъ на духовенство, Архипастырь скромно отвѣчалъ: „Что-жь, я самъ долго священствовалъ, а по сему и въ Архіерействѣ остался священникомъ въ моемъ общеніи съ пастырями; хочу быть благожелательнымъ другомъ и совѣтникомъ ихъ и, признаюсь, не па-силую себя въ этомъ отношеніи”.

Много важныхъ уроковъ любви христіанской и добраго пастырства преподавъ намъ почившій и въ частныхъ, случайныхъ бесѣдахъ. — Высокія душевныя качества нашего Архипастыря-Отца поражали насъ, плѣняли, властно обязывали, и мы не рѣдко спрашивали себя: откуда такая превосходная простота у Владыки, эта чарующая доступность, милая общительность, такая сила спокойствія, самообладанія и снисходительности, такое общеніе любви?

Наши наблюденія и размысленія привели насъ къ убѣжденію, что сила того добра, которымъ жила душа архипастыря, есть прежде всего природный даръ Божій, безъ чего истинная и неизмѣнная популярность, которой почившій всюду и постоянно пользовался у всѣхъ его знавшихъ, не мыслима. — Важно, затѣмъ, и значеніе семейнаго начала. Семейство — лучшая лабораторія чувства христіанской любви. Искренно сочувствовать другимъ, раздѣлять чужую радость и чужое горе, уважать какъ святиню права всякаго ближняго, снисходить къ чужимъ немощамъ и недостаткамъ, обращаться со всѣми съ непритворною простотою и съ дружело-біемъ — все это преимущественно вырабатывается въ семьѣ и наиболѣе свойственно человѣку, при-члвшему себя къ христіанскому исполненію своихъ семейныхъ обязанностей. А на почившемъ до конца дней его лежали эти обязанности. Онъ зналъ и радости и горе семьи. Много радовали его дѣти, но онъ много скорбѣлъ послѣ преждевременной смерти жены. Много горя причинила ему и смерть уже въ Варшавѣ, любимаго его сына. Много было слезъ и тревогъ. Все это открывало тайну жизни и благодатно воспитывало и укрѣпляло въ добрѣ отъ природы доброе и любящее сердце почившаго. Онъ зналъ жизнь, зналъ, что она не безъ терній, и умѣлъ понимать и нужду и лишенія и горе другихъ. — Любовь его крѣпла и возрастала и по отношенію къ его паствѣ. — Не безслѣдно было, нако-нецъ, въ этомъ отношеніи и его продолжительное пастырское служеніе. Приходъ это тоже семья которая и родитъ и воспитываетъ въ пастырь чув-ство христіанской любви. Приходъ же учитъ па-стыря и великимъ тайнамъ жизни. Тысячи испо-вѣдниковъ открываютъ предъ пастыремъ свою ду-шу со всѣми ея невзгодами, бурными страстями и

преступленіями. Такимъ путемъ невольно возбу-ждается въ пастырь сочувствіе къ ближнему и ми-лосердное отношеніе къ нему; онъ ищетъ для страждущихъ ея, чтобы возлить на ихъ раны, и привыкаетъ любить даже преступныхъ, которые въ большинствѣ случаевъ правильнѣе могутъ быть названы несчастными. Не живоносный-ли это исто-чникъ и средство для развитія въ пастырь высокой и дѣятельной христіанской любви.

Возьмемъ все изъ жизни почившаго въ совокуп-ности, что только отчасти отмѣчено нами, и предъ нами встанетъ тотъ человѣкъ великой души и дѣя-тельнаго добра, памяти котораго мы предъ симъ гробомъ поклоняемся.

Да, мы расстаемся съ Великимъ Архіереемъ и съ великимъ человѣкомъ. Слово наше искренно и нелицемѣрно. Но, прости дорогой отецъ, оно без-сильно предъ величіемъ твоей души. Ты назы-вался Владыкой, но не владывалъ надъ нами ради власти. — Мы говорили и писали тебя: „Ми-лостивѣйшій Архипастырь и Отецъ“, и это не были лишь мертвые звуки и письмена, это не было лишь общепринятой формой обращенія, а была дѣйстви-тельнымъ и правдивымъ отношеніемъ къ тебѣ какъ къ Отцу нашему Милостивому. И Преосвященнымъ мы тебя называли не по формѣ только и устано-вленію. Всѣ тѣ высокія чувства и расположенія, которыми такъ богато была одарена твоя душа, а также твои отеческія отношенія къ намъ по истинѣ святы, и мы сознательно именовали тебя высокимъ Архіерейскимъ титуломъ: по всей правдѣ тебѣ надлежитъ имя Преосвященнаго, Высокопреосвя-щеннаго. И мы вѣримъ, что Правосудный Богъ приметъ тебя, Святитель, во святія своя обители. — А отъ насъ, скорбящихъ, прими, дорогой Отецъ, ве-ликое спасибо за все твое добро. Спасибо тебѣ за твою неизмѣнную любовь къ намъ, за твою привѣт-ливость и снисходительность, за высокое нравствен-ное поученіе твоей мудрости и высокихъ качествъ твоей превосходной души. Горячо молимся и бу-демъ молиться о тебѣ. Молитвенно и ты не расста-вайся съ нами — молись о насъ. Поклонъ тебѣ до сырой матушки земли, а вѣчная и добрая память о тебѣ никогда не умретъ и не умалится въ нашихъ любящихъ и признательныхъ сердцахъ.

РѢЧЬ

у гроба Высокопреосвященнаго Архіепископа Иеронима, сказанная Ключаремъ наедральнаго собора Терентиємъ Теодоровичемъ.

Уже много словъ искренно скорбныхъ, полныхъ преданности и любви къ почившему Святителю — мы слышали у гроба его. Не довольно — ли, скажете, этой словесной тревоги духу почившаго? Но прости-

те, други, — дерзаю сказать еще я, дерзаю, потому — что преступно, невозможно мнѣ молчать, какъ невозможно туго натянутой струнѣ незвучать послѣ удара по ней. Я вѣрю, я чувствую, — твой святительскій духъ, витающій надъ нами, онъ — всегда ласково-кроткій и терпѣливо-снисходительный — къ моимъ ему рѣчамъ, позволить мнѣ сказать и въ сей послѣдній разъ.

Каждый изъ насъ, болѣе близкихъ по служенію къ нашему Архипастырю, чувствуетъ теперь въ глубинѣ своей души, на фонѣ общей скорби, — нѣчто особенное, не для всѣхъ одинаковое, сообразно свойству личности, но что по своему усугубляетъ скорбь каждаго изъ насъ. Ты, любвеобильный Святитель, не по достоинству моему, а только по любящему сердцу своему, призвалъ меня изъ далекой деревни и поставилъ служить у твоей каѳедры.

Если-бы я свой мысленный взоръ могъ оторвать на мигъ отъ этой скорбной картины, чтобы перенестись только за нѣсколько дней назадъ и дальше въ глубь недавняго прошедшаго, то жизнь нашу, жизнь нашей Варшавской пастыри съ ея почившимъ Архипастыремъ, я скорѣе всего сравнилъ-бы съ жизнью природы въ теплый лѣтній вечеръ, когда солнце въ своемъ стремленіи къ закату не жжетъ насъ своими прямыми — горячими лучами, но тихо ласкаетъ насъ ровнымъ свѣтомъ и мирнымъ тепломъ. И бодрѣетъ человѣкъ, оживаетъ птица и распускается цвѣтокъ. И легко дышется и хочется жить.

Но солнце зашло, свѣтильникъ погасъ, а взоръ все устремляется въ сторону скрывшагося свѣтильника, пристально глядитъ и все ждетъ прежнихъ свѣтлыхъ и теплыхъ лучей... Позволь же, нашъ незабвенный святитель, изъ сокрывшагося горизонта твоей жизни вызвать, вспомнить хоть какой-нибудь изъ тѣхъ теплыхъ лучей, которыми ты свѣтилъ и согрѣвалъ насъ. Эти лучи — сокровище твоей души.

Казалось-бы нескромно, даже дерзко, касаться сокровищъ души почившаго святителя въ тотъ великій моментъ, когда почившій стоитъ предъ лицомъ всевидящаго и Праведнаго Судіи. Но этими сокровищами своей души Архипастырь жилъ, служилъ намъ, святительствовалъ, — и теперь, когда онъ лежитъ — безмолвный, — не нашъ-ли пастырей — сотрудниковъ долгъ — показать эту душу, открыть ея сокровища, повѣдать о тѣхъ путяхъ, которыми душа святителя жила и служила намъ. Пусть это не нужно почившему, ибо достоинство его не измѣряется нашими словами, но это нужно для насъ самихъ и для тѣхъ, которые кругомъ насъ.

Я коснусь одной, двухъ чертъ жизни почившаго, тѣхъ, которыя были виднѣе намъ и которыя меня всегда особенно трогали. Святитель поражалъ всѣхъ знавшихъ его своей исключительной привѣтливостью, ласковой рѣчью, чуждой обиднаго упрека, нѣжнымъ обращеніемъ со скорбной, мятущейся и даже

предъ нимъ виновной душой. Чувствовалась такая теплота и доброта души, что искренность охватывала человѣка и онъ высказывалъ все сокровенное, какъ доброму, участливому отцу. Могу-ли забыть? Три года, изъ нихъ два особенно часто, по долгу службы, я бывалъ у почившаго, — и ни разу я не вышелъ изъ его привѣтливыхъ покоевъ — угнетеннымъ, неудовлетвореннымъ, не мирнымъ. И выговоръ, который трудно было заслужить у нашего Владыки, облекался въ такую осторожную, мягкую форму, что уча, наставляя, онъ не билъ, не угнеталъ. Бывало, идешь къ Архіерею, не разъ-угнетенный, смущенный, со скорбью на душѣ, служебной-ли, житейской, даже семейной, — и нѣсколько минутъ бесѣды общенія съ умиротворенной душой Архипастыря, такъ тебя успокоятъ, такъ тебя ободрятъ, что инымъ, примиреннымъ идешь въ жизненный путь. Только на почвѣ высокой христіанской любви могъ развиться — этотъ миръ, эта радость души святителя, во всѣхъ цѣнившаго образъ Божій и человѣческое достоинство.

Но красота и доброта души почившаго ни въ чемъ такъ ярко не отражалась, какъ въ дѣлахъ милосердія. И если-бы я не сказалъ, изъ уваженія къ такъ понятной скромности тѣхъ, которые окружаютъ гробъ сей, не сказалъ объ этой душевной чертѣ Архипастыря, я не сказалъ-бы того, что составляетъ существо и смыслъ духовной жизни почившаго. Но у меня есть и особенный поводъ говорить о милосердіи.

Я научился вѣрить, что милосердіе, будучи выраженіемъ Евангельской любви, есть въ настоящее время лучшее, непобѣдимое знамя нашего пастырства. И если мы — пастыри — возьмемъ это знамя милосердія въ свои руки, и бодро и смѣло понесемъ его въ міръ, то, я твердо вѣрю, міръ — образованный, по нашей или не нашей винѣ, покинувшій насъ и церковь, — вернется къ намъ, церкви, Христу, и мы снова всѣ вмѣстѣ будемъ вѣровать, молиться, любить... Вотъ почему я всей своей скорбной мыслью устремляюсь къ милосердной душѣ почившаго Архипастыря, — въ ней, въ жизни ея я прозрѣваю цѣлую школу милосердія, гдѣ, часто незримо, сѣялись тѣ святые сѣмена, которыя способны своей живучестью пробить камень, не погибнуть среди терній...

Я не говорю о давно-прошедшемъ, Кіевскомъ, Тамбовскомъ, Виленскомъ святительствѣ, — я сейчасъ вспоминаю свое, послѣднее время. Приходишь къ Архіерею, — слезы у него на глазахъ. — Что — Владыко? —

„Не могу видѣть спокойно горя людекаго; вотъ — бѣдная діаконская сирота, какъ бы ей помочь, устроить“.

Владыка, говорю однажды, — бѣдная женщина проситъ разрѣшенія сдѣлать церковный сборъ въ со-

борѣ для уплаты за правоученіе въ гимназіи.—„За-чѣмъ собирать, я могу дать”, и передаетъ не малую сумму. И какъ знали доброту души Владыки! Двѣ недѣли назадъ встрѣчаю въ корридорахъ собора плачущаго юношу. Говоритъ: я къ Архіерею, слышалъ, что онъ помогаетъ; я — сынъ священника (Василевскій), сирота, мать бѣдная, — 8 — дѣтей. Говорю о немъ Владыкѣ въ соборѣ—во время причастна, и сразу—„при первомъ свиданьи поговоримъ и устроимъ его“. И дождался — бы бѣдный вниманія и милости къ себѣ и начало уже было сдѣлано, если-бы не болѣзнь и смерть...

А послѣднее горе—народное—голодь въ Россіи.. Какъ оно близко было сердцу почившаго, это лучше всего говорить одна изъ послѣднихъ резолюцій Архипастыря, въ которой такъ рельефно отразилась великая душа святителя, благословляющая своихъ сотрудниковъ—пастырей на подвигъ милосердія тѣми путями, какіе подскажетъ каждому его сердце.

Но довольно слабыхъ словъ: святитель ушелъ, покинулъ насъ. Скорбь велика,—это скорбь счастливыхъ дѣтей, лишившихся добраго отца. Такія дѣти не забудутъ отца. Еще долго—долго нашему мысленному взору будетъ предноситься спокойно — величавый и кроткій образъ нашего старца Архіерея, и острая скорбь, смѣняясь тихой грустью, будетъ напоминать намъ, что не встрѣтимъ уже мы своего старца, не будемъ провожать въ его кафедральный храмъ. Не выйдетъ онъ со свѣтильниками къ своей паствѣ на амвонъ, чтобы сказать передъ ней и о ней.: „призри съ небесе, Боже, и виждь и посьти виноградъ сей и утверди.“, сказать такъ, какъ могъ сказать только приснопамятный Архіепископъ Геронимъ.

Но если тѣлесный обликъ съ годами и будетъ теряться, какъ всегда, измѣнчивой памятью,—то высокій нравственный образъ почившаго святителя, такъ сродный лучшимъ запросамъ и стремленіямъ человѣческаго, особенно пастырскаго, духа, не поблекнетъ, а еще современемъ уяснится и утвердится. И у кого изъ насъ созданъ этотъ нравственный обликъ нашего почившаго Архипастыря, то онъ долго-долго будетъ въ его сознаниі, а за себя, ручаюсь, что образъ почившаго святителя будетъ однимъ изъ послѣднихъ, которые будутъ оставлять мое предсмертное сознание, мою молитвенную память.

Миръ праху твоему, нашъ незабвенный Архипастырь, нашъ мудрый учитель, нашъ милосердный отецъ!

РѢЧЬ

ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета П. В. Никольскаго.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

У гроба твоего нельзя умолчать о твоей отзывчивости на все доброе, христіанское. Чуткимъ сердцемъ ты отзывался на лепетъ ребенка и на запросы зрѣлаго ума. Ты слишкомъ хорошо понималъ, что столь простыя для дѣтекаго сердца евангельскія истины нерѣдко встрѣчаютъ сомнѣнія въ критическомъ умѣ взрослого человѣка и считалъ своимъ долгомъ идти противъ этихъ сомнѣній. Поэтому во всю свою архипастырскую дѣятельность ты такъ высоко ставилъ проповѣдь, уясняющую глубокой смыслъ евангельскихъ сказаній. А глубина этого смысла очерчена во воспоминаемыхъ мною твоихъ собственныхъ словахъ. Ты говорилъ: „я читаю ежедневно нѣсколько главъ Евангелія и каждый разъ я открываю въ нихъ дотождѣ неизвѣстный мнѣ смыслъ“.

При такомъ взглядѣ, естественно, ты съ полной отзывчивостью отнесся и къ запросу православныхъ людей вѣренной тебѣ епархіи имѣть въ Варшавѣ религіозно-просвѣтительное общество, объединяющее пастырей и мирянъ въ стремленіи къ совмѣстному уясненію и проведенію въ жизнь великихъ евангельскихъ завѣтовъ. Ровно два года назадъ ты открылъ это общество, принималъ въ жизни его личное участіе и живо интересовался его дѣятельностью, руководя и направляя ее по правильному руслу.

Молимся объ упокоеніи души твоей и просимъ: не оставь твоимъ предстательствомъ предъ Господомъ юное общество, которому теперь болѣе чѣмъ когда либо требуется сила и мужество. Миръ праху твоему добрый и любвеобильный Архипастырь.

РѢЧЬ

при погребеніи Высокопреосвященнаго Іеронима, произнесенная смотрителемъ Варшавскаго духовнаго училища В. Щегловымъ.

Да простятъ мнѣ—Архіереи Божіи, сонмъ іереевъ благочестныхъ и все содружество здѣсь предстоящихъ, что я въ настоящую минуту дерзаю открыть уста мои.

Знаю—устали мы отъ труда тѣлеснаго и наипаче отъ туги душевной; знаю, что новое слово о почившемъ причинитъ новую боль сердцу всѣмъ намъ и особенно приснымъ его; знаю также и то, что слабое слово мое не въ силахъ сплести достойный вѣнокъ похвалы почившему, да и не нуждается онъ,

готовый предстать предъ Судію всѣхъ и мздовоздателя небеснаго, въ похвалахъ земнаго преклоненія. И не къ тому пудить меня сердце мое. — Когда наступаетъ часъ разлуки временной, насъ охватываетъ жгучее желаніе насмотрѣться на дорогого намъ человѣка, запечатлѣть въ памяти особенно дорогія черты его. И теперь въ горькій часъ разлуки вѣчной съ почившимъ Архипастыремъ хотѣлось бы—до боли — сердцу моему, вмѣстѣ съ вами, углубиться воспоминаніями къ созерцанію духовнаго образа Владыки, чтобы въ душѣ нашей отлились навѣки милая свойства его, въ вѣчную намъ память о немъ и полезное назиданіе.

И здѣсь прежде всего приковываетъ взоръ мой къ себѣ тотъ чудный даръ, который Творецъ и Раздатель дарованій духовныхъ попремию надѣлилъ усопшаго, — это сердце, преисполненное любви и „духа жива“, которыми запечатлѣны всѣ дѣла почившаго и особенно труды и заботы его на пользу нашего малаго питомника—вертограда Господня. Помазанный этими великими дарами Господними, почившій съ перваго вступленія нашего подъ Архипастырскій омофоръ его и до послѣднихъ дней жизни его и словомъ и дѣломъ проповѣдалъ намъ „лѣто Господне пріятно“.

Самъ попреизлиха вкусившій отъ горькаго корня ученія и учительства, сопряженныхъ съ лишеніями и бѣдностью, онъ сдѣлалъ все возможное силами его, чтобы облегчить участь учащихся въ школѣ нашей. Его заботливостью, его трудами и его средствами, главнымъ образомъ, въ училищѣ нашемъ, почти послѣ семидесятилѣтняго существованія его, учреждено общество вспомошествованія бѣднымъ учащимся. Оно отретъ много слезъ у неимущихъ вдовицъ—матерей и дастъ многимъ дѣтямъ-сиротамъ высокое счастье; получить образованіе наравнѣ съ дѣтьми обезпеченными...

Холодна и сурова школьная доля бѣдныхъ мальчиковъ; постоянная жизнь въ четырехъ стѣнахъ казеннаго зданія, постоянный трудъ безъ удовольствій и развлеченій изсушили немало душъ бѣдныхъ юношей. Самъ на себѣ перенесшій всю тяжесть жизни школы казенной, почившій всегда заботился о томъ, чтобы скрасить хоть какъ-нибудь монотонную жизнь нашихъ воспитанниковъ, особенно во дни великихъ праздниковъ, когда во всѣхъ семьяхъ, благословенныхъ Богомъ, царить любовь, радость и ликование.

Въ эти, горькіе для сиротъ и бѣдняковъ, дни, по его инициативѣ, его средствами и непремѣнно при его личномъ участіи у насъ устраивались большіе дѣтскіе праздники... Пройдутъ годы... какъ волны о твердый гранитъ, разобьются о безопаздную жизнь лучшіе порывы душъ нашихъ воспитанниковъ, за-

глубѣютъ сердца ихъ, но вспомнить они о заботливости о нихъ Архипастыря—и станеть у нихъ свѣтлѣе на душѣ, смягчится отъ нахлынувшихъ воспоминаній суровость сердца ихъ; и образъ его будетъ для нихъ правственнымъ свѣточемъ въ жизни и твердой опорой для вѣры въ добро.

Въ жизни маленькихъ школьниковъ, какъ и въ жизни взрослыхъ людей, бывають испытанія, когда отъ грозящаго разразиться надъ ними несчастья можетъ спасти ихъ только сильная своею любовью рука высшаго начальства. Такъ бываетъ, когда питомцевъ нашихъ постигаютъ болѣзни тѣлесныя, а по временамъ и недуги духовныя. Въ такую тяжкую для учащихся и учащихся пору, свободный отъ сухого формализма духъ почившаго раздвигалъ для насъ узкія рамки мертвыхъ статей закона писаннаго. И такъ спаслись многіе, быть можетъ, отъ конечной гибели.

Высоко ставя для жизни драгоценный даръ Божій—здоровье физическое, Владыка непрестанно заботился объ улучшеніи матеріальныхъ условій жизни нашихъ питомцевъ. Но, видя, что никакія средства не въ силахъ бороться съ страшнымъ дѣйствіемъ сырого и темнаго, вѣками прогнившаго, зданія, Владыка напрягъ все свое вліяніе, чтобы построить новое, вполне соответствующее благоустроенной школѣ, зданіе. Какъ древнему вождю народа избраннаго, на раменахъ своихъ вознесшему людей своихъ къ возжеланному порогу земли обѣтованія, не судилъ Господь водрузить жезла своего на ней, а только издали показалъ ему всю роскошь ея;—такъ и нашему Архипастырю не далъ водрузить креста своего на обѣтованномъ намъ зданіи; только издали—на планахъ видѣлъ онъ всю красоту его.. И порадовалось старое сердце его радостью великою за малыхъ дѣтокъ своихъ.

Любовь къ дѣтямъ почившаго естественно отражалась и на насъ, приставленныхъ къ нимъ въ качествѣ учителей и воспитателей, и заставляла насъ работать не столько за страхъ, сколько за совѣсть. И личными отношеніями къ намъ онъ возгрѣвалъ въ насъ этотъ великій принципъ работы не за страхъ, а за совѣсть. Самъ прошедшій тернистый путь учительства, онъ всегда являлъ къ намъ спасительное для дѣла довѣріе, не стѣняя насъ ни сухою формалистикой, ни страшною для подчиненныхъ легальностью. Онъ былъ для насъ не грознымъ начальникомъ, а мудрымъ руководителемъ и опытнымъ другомъ, всегда готовымъ дать неопытному благовременный совѣтъ практической мудрости. Мы, какъ и питомцы наши, всегда видѣли въ немъ отца, болящаго и веселящагося о чадѣхъ своихъ.

Владыко возлюбленный! За великую любовь твою къ намъ прими отъ насъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ общей любви нашей къ тебѣ и да увѣнчаетъ онъ.

главу твою, служа залогомъ непрестаннаго нашего съ тобой общенія: ибо „любь“ по слову Апостола, николиже умираетъ”. Изъ проливаемыхъ нынѣ надъ гробомъ твоимъ слезъ, отъ которыхъ мы не можемъ удержаться по немощи нашей, прими отъ насъ только одну слезу для вѣчнаго орошенія неувыдаемаго вѣнка нашего—слезу общей нашей благодарности—отъ насъ и отъ малыхъ питомцевъ нашихъ!

* * *

Чинопослѣдованіе погребенія и вообще заупокойное богослуженіе въ этотъ день продолжалось долго и окончилось поздно. Литургія, какъ мы уже сказали, началась въ 9 часовъ утра и за симъ непосредственно слѣдовало отпѣваніе, которое окончилось около 4-го часа по полудни. Въ 4 часа послѣдовала выносъ тѣла почившаго Архипастыря изъ Собора. Поднимали гробъ Священнослужители и сыновья почившаго. На кладбище пришли когда уже было совершенно темно. Отъ кафедральнаго Собора до кладбища считается 6 верстъ. Преосвященный Евлогій и многіе изъ священнослужителей, несмотря на усталость, несмотря на грязную дорогу, лежащую къ кладбищу, совершили весь путь пѣшкомъ. Усердіе къ почившему Архипастырю, благоговѣніе и любовь къ его памяти препобѣдили усталость. Изъ кладбища священнослужители возвратились и прибыли въ Архіерейскіе покои уже послѣ 6-го часа вечера. Здѣсь сыновьями Архіепископа Іеронима была предложена Священнослужителямъ трапеза. Послѣ заупокойной литіи послѣдовало благословеніе трапезы. При окончаніи обѣда протоіерей А. Ковальницкій произнесъ приблизительно слѣдующее.

Въ настоящую минуту всѣ мы, сидя за этой трапезой, дѣлимся воспоминаніями и мыслями о нашемъ почившемъ Архипастырѣ; только человѣку свойственно переноситься мыслію — любовью къ человѣку изъятаму изъ среды живыхъ. Нашему Создателю Богу угодно было надѣлать человѣка способностью переноситься любовью и благодарностью къ другому человѣку даже въ то время, когда онъ находится отъ него далеко, далеко:—за горами, за рѣками, за морями; по этому въ насъ сильна вѣра, что и души перешедшихъ отъ насъ въ другой міръ, принадлежащій одному и тому міро-создателю и міродержцу, стремятся къ намъ такою же любовью, какою мы стремимся къ нимъ. Такъ вѣримъ, что душа почившаго нашего Архипастыря и послѣ своего отшествія отъ насъ обнимаетъ насъ своею любовью, какъ мы любили и любимъ его.

Мысль объ этой любви въ насъ сильна особенно въ настоящую минуту, когда мы, священнослужители, только что проводили на мѣсто вѣчнаго упокоенія нашего любвеобильнаго Архипастыря. За этой трапезой умѣстенъ вопросъ, чѣмъ дорогъ былъ почившій особенно для насъ—священнослужителей? Думаю, что выражу правильно отвѣтъ, если скажу, что почившій Архипастырѣ возбуждалъ въ насъ къ себѣ любовь тѣмъ, что онъ самъ питалъ любовь къ намъ

и еще тѣмъ, что онъ былъ чуждъ формалистики. Настоятели церкви Привислинскаго края обременены лишнею формальной перепиской. Такъ напр., священники только этого края пишутъ актъ о крещеніи и смерти въ 4-хъ книгахъ, а акты о браковѣчаніи въ 5 книгахъ. Архипастырѣ видѣлъ этотъ тяжелый трудъ пастырей и старался его облегчить насколько это было для него возможно. Такъ, существовалъ у насъ, по примѣру другихъ епархій, богослужебный журналъ, гдѣ священникъ обязанъ былъ своевременно записывать, когда и гдѣ онъ совершалъ какое либо богослуженіе и когда и гдѣ проповѣдывалъ и о чемъ именно проповѣдывалъ. Неговоря о томъ, что такіе журналы служатъ выраженіемъ недовѣрія Архипастыря къ священникамъ, они отнимаютъ у пастыря время на формулировку содержанія проповѣди и вообще на излишнюю запись. Почившій Архипастырѣ уничтожилъ этотъ журналъ не потому, чтобы онъ не зналъ древнеклассическаго изреченія: *forma dat rei esse*, а потому, что *forma* иногда можетъ говорить и о томъ, чего не было. Нѣтъ, на мѣсто формы Архіепископъ Іеронимъ ставилъ духъ—духъ свободноразумный, такъ свойственный духу Христовой церкви. Безъ этого духа нѣтъ жизни въ человѣкѣ. *Письма убиваютъ, духъ животворитъ*. Почившій Архипастырѣ зналъ, что Богомъ дается власть начальнику не для того, чтобы онъ отъ подчиненныхъ своихъ требовалъ безпрекословнаго слѣпаго исполненія его воли,—это, благодаря штрафамъ, перемѣщеніямъ и наградамъ не трудное дѣло,—а въ томъ, чтобы умѣть своею любовью возбудить въ подчиненномъ свободноразумное рвеніе къ своему долгу, по своей совѣсти и по своимъ силамъ. Такое понятіе о власти было причиною того, что нашъ Архипастырѣ Іеронимъ насъ не только любилъ, но и уважалъ; повторяемъ, покойный Владыка былъ чуждъ формалистики. И какъ онъ радовался, видя пользу для своей епархіи отъ такого отношенія къ дѣлу! Года два тому назадъ въ этой комнатѣ почившій Архипастырѣ мнѣ передавалъ о томъ, что его недавно посѣтили знатныя лица, которые съ особою похвалою отзывались о православномъ духовенствѣ нашей епархіи и высказывали желаніе, чтобы такими добрыми качествами отличались и священнослужители другихъ епархій въ Россіи. —И между тѣмъ, безпримѣрное въ Россіи явленіе: въ теченіе 8 лѣтъ, на сколько припоминаю, было у насъ всего только 5 или 6 слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся и обычнымъ формальнымъ консисторскимъ судомъ.

Гдѣ секретъ этого необычнаго въ русскихъ консисторіяхъ явленія? Объясняется это тѣмъ, что Владыка, избѣгая формы, руководился духомъ любви. Влія на сотворшаго вину этимъ духомъ, онъ возбуждалъ духъ исправленія духъ рвенія къ добру. Влія на виновнаго и невиновнаго духомъ любви, Архипастырѣ возбуждалъ и къ себѣ любовь во всѣхъ насъ. Въ этомъ случаѣ обнаруживалось въ нашемъ Архипастырѣ исполненіе древнеклассическаго практическаго совѣта: *Si vis amari ama*—изреченія, которое не разъ высказывалъ и блаж. Августинъ. А извѣстно, любовь покоряетъ и покоряется. Вотъ почему нашъ Архипастырѣ не дѣйствовалъ принудительно.

Намъ надо молить Бога, чтобы мы оказались достойными любви и у пресмника нашего почившаго Архипастыря, чтобы и онъ насъ обнималъ такою же любовью, какою насъ обнималъ нашъ почившій Архипастырѣ и чтобы будущій нашъ Архипастырѣ видѣлъ нашу любовь къ нему, выражающуюся и въ рвеніи къ нашему пастырскому долгу.

Нашъ почившій Архипастырѣ оставилъ намъ собою образъ любви, возбуждавшій и возбуждающій въ насъ при

исполненіи своего долга свободноразумную дѣятельность для блага церкви. Желательно, чтобы этотъ духъ въ насъ росъ и укрѣплялся. Это духъ нашей церкви, и выраженіе его не имѣетъ предѣла. И будетъ время, *когда всѣ будутъ свободны въ свободу славы чадъ Божіихъ*. Это будетъ въ вѣчности. И потому возгласимъ нашему почившему Архипастырю: *вѣчная память*.

Въ слѣдъ за этими словами каедральный протоіерей Каллистовъ, сказавъ: Грустятъ о кончинѣ Архипастыря Иеронима и молятся о немъ не только въ Варшавской и Холмской Епархіяхъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ онъ святительствовалъ, прочитавъ слѣдующія полученныя тогда же, 4 ноября, телеграммы: отъ Волынскаго и Житомирскаго Архіепископа Антонія: „Возношу молитву за упокой ангельски кроткой души святителя Иеронима”. Отъ каедральнаго протоіерея г. Тамбова: „Тамбовская консисторія, вспоминая съ благодарностью о многополезной дѣятельности приснопамятнаго Архіепископа Иеронима для церкви Тамбовской, глубоко скорбитъ объ его кончинѣ, и сегодня во главѣ съ Епископомъ Иннокентіемъ вознесла молитвы о упокоеніи души Архіепископа Иеронима въ небесныхъ обителяхъ”.

За симъ послѣдовало возглаголеніе: *Въ блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи успшему рабу Твоему Высокопреосвященному Архіепископу Иерониму и сотвори ему вѣчную память*. --

И веѣ присутствующіе воспѣли: *вѣчная память*.

Памяти Высокопреосвященнаго Иеронима.

Славенъ былъ въ Возѣ почившій архипастырь возобновленіемъ и строеніемъ прекрасныхъ храмовъ въ мѣстахъ его святительскаго служенія, славенъ щедрыми благотвореніями, но мы хотимъ сказать о немъ, какъ о святителѣ, явившемъ образъ истинной красоты въ совершеніи богослуженія.

Кому удалось присутствовать въ каедральномъ соборѣ, напримѣръ, на пасхальной службѣ, совершаемой усоншимъ архипастыремъ, тотъ выносилъ неизгладимое впечатлѣніе отъ этого восхищающаго сердца богослуженія.

Весь храмъ горитъ огнями. Гремить радостно хоръ, славящій воскресшаго Христа. Вотъ блеснули слова: „Воскресенія день! просвѣтимся людие!... Безшумно раздаются тѣсно сомкнутые ряды молящихся. Идетъ архипастырь съ кажденіемъ по храму. Бѣлое какъ снѣгъ одѣяніе, благолѣпное свѣжее лицо, серебряная сѣдина бодрой старости и ласковый, мягкій голосъ, возглаголющій любовно и ободряюще: „Христосъ воскресъ;”. Съ какимъ вдохновеніемъ

звучитъ отвѣтное „Воистину воскресъ” умиленныхъ богомольцевъ! Легкій аромат фиміама, нѣжный звукъ-шелестъ звонцовъ на саккосѣ, и тѣсные ряды молящихся смыкаются, скрывая дивное видѣніе.

Не подобнымъ ли видѣніемъ плѣнены были въ Святой Софіи посланцы князя Владиміра?

Или вотъ на литургіи выходитъ архипастырь изъ алтаря на амвонъ, и льются изъ устъ его благодатныя слова: „Призри съ небесе, Боже, и виждь и поѣти виноградъ сей, егоже насади десница Твоя!” Замолкли краткіе звуки. Тихо, сосредоточенно святитель произноситъ: „Елицы во Христа крестистесь”... и звонкіе серебристые голоса маленькихъ пѣвцовъ несутся къ небу, радостно вторя словамъ своего старца-отца.

И вотъ уже святителя нѣтъ, а голосъ его все еще какъ будто звучитъ намъ,—звучитъ и не проходитъ.

Да будетъ благословенна память почившаго архипастыря, давшего намъ почувствовать и оцѣнить тонкую красоту нашего богослуженія!

Н. Одилицъ.

О взрывѣ бомбы при возвращеніи похоронной процессіи послѣ погребенія Высокопреосвященнаго Архіепископа Иеронима.

Какъ извѣстно, 4 сего ноября, около 6 часовъ вечера, при разѣздѣ съ Вольскаго кладбища участвовавшихъ въ погребеніи высокопреосвященнаго архіепископа Иеронима, изъ окна дома Коха, находящагося на Вольскомъ шоссе недалеко отъ Обводной жел. дороги, была брошена бомба. Въ описаніи этого прискорбнаго случая, помѣщенномъ въ № 319 газеты *Курьеръ Варшавскій* отъ 5 (18) ноября, а также и въ другихъ сообщеніяхъ, относящихся къ погребенію почившаго архіепископа, вкрались неточности, которыя въ интересахъ истины, какъ участникъ похоронъ, считаю нужнымъ исправить.

Въ помянутомъ описаніи сказано, что бомба была брошена тогда, когда участвовавшіе въ погребеніи разѣхались уже съ кладбища и только возвращалась въ городъ бывшая при похоронахъ для охраны сотня 4 Донскаго казачьяго полка съ офицеромъ. Дается такое представленіе, что никого кромѣ возвращавшихся казаковъ тамъ не было. Въ дѣйствительности было не такъ. Разѣздъ съ кладбища только начался, и отрядъ казаковъ поскакалъ съ первыми двинувшимися экипажами. Всего экипажей было 20. Изъ нихъ до момента взрыва прошло 4, въ которыхъ помѣщались нѣкоторыя свѣтскія лица, дамы, также діаконъ собора и священники Мысына и Красковскій. Въ пятой каретѣ ѣхали священники Шингаревъ, Садиковъ, Мозолевскій, и вотъ предъ этою каретою произошелъ взрывъ. Въ

слѣдующихъ за этою каретахъ ѣхали протоіереи Демьяновичъ, Мизецкій, Недумовъ, Татаровъ, свѣщ. Цѣлико, Розмаинскій и другія духовныя лица. Въ одной изъ каретъ ѣхалъ высокопреосвященный Никандръ, Архіепископъ Литовскій, въ другой Преосвященный Епископъ Холмскій Евлогіи съ ректоромъ семинаріи архимандритомъ Діонисіемъ и каедральнымъ протоіереемъ. Кромѣ того ѣхали дилижансы съ малолѣтними пѣвчими, а по сторонамъ дороги, отчасти и по самому шоссе, въ большой темнотѣ возвращалась толпами бывшая на похоронахъ публика, состоявшая изъ лицъ разнаго званія, въ числѣ которыхъ было много малолѣтнихъ, подростковъ, мальчики и дѣвочки. Когда раздался гулъ отъ взорвавшейся бомбы, казаки вернулись назадъ къ мѣсту взрыва и стали стрѣлять въ окна дома. Среди возвращавшихся съ кладбища произошло замѣшательство, увеличившееся еще отъ того, что было совершенно темно. По сторонамъ шоссе виднѣются изрѣдка фонари, но они ни во время процессіи, ни при разѣздѣ почему-то не были зажжены, тогда какъ въ обыкновенное время они, кажется, зажигаются. Все совершалось въ темнотѣ. Экипажи наѣзжали, столпились у мѣста взрыва, гдѣ происходила стрѣльба; лошади становились на дыбы; нѣкоторые бросились назадъ; въ одной каретѣ отъ сотрясенія воздуха разбились стекла; люди кричали, съ дамами дѣлалось дурно... Къ счастью, кромѣ этого испуга и переполоха, другихъ несчастій съ людьми, повидимому, не было. Объясняется это тѣмъ, что бомба упала въ глубокую немогущую канаву возлѣ шоссе, наполненную водою. Этимъ дѣйствіе взрыва ослаблено. Упавъ бомба на одинъ аршинъ далѣе на самое шоссе, — бѣдствіе было бы громадное. Въ предотвращеніи его мы видимъ не случайность, а великую милость Божию.

Все происшествіе представляется загадочнымъ и трудно объяснимымъ. Если бомба предназначалась для казаковъ, то она брошена, когда тѣ уже проѣхали. Притомъ покушеніе очевидно готовилось раньше, злоумышленникъ наканунѣ уже прибылъ въ домъ Коха, а казаки только за день прибыли въ Варшаву и могли не быть на похоронахъ. Даже изъ участниковъ погребенія многіе находили присутствіе ихъ излишнимъ: вполне были увѣрены, что обойдется благополучно. Трудно допустить и то, что покушеніе направлялось противъ православнаго духовенства и народа. Процессія носила мирный, чисто религіозный характеръ. Православные собрались отдать послѣдній долгъ своему любимому и милосердному архинастырю. Ничего не было политическаго. Покушеніе при такихъ обстоятельствахъ слишкомъ противорѣчило-бы общепринятымъ

у культурныхъ народовъ, даже языческихъ, понятіямъ о религіи, о культѣ, о памяти умершихъ, которые всюду пользуются привилегіей неприкосновенности.

Изъ другихъ подробностей похоронъ неточно сообщеніе о погребальномъ звонѣ въ костелахъ по пути шествія. Этого звона не было. Звонили въ церквахъ на Медовой и Рымарской ул. Звонили и въ новомъ костелѣ за Вольской заставой, когда похоронная процессія приближалась, но, когда она поровнялась съ костеломъ, звонъ прекратился. Вѣрно это былъ обычный вечерній звонъ, ошибочно принятый репортерами за погребальный.

Каедральный протоіерей *Каллистовъ*.

(*Варш. Дневн.*)

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Преподано Его Преосвященствомъ благословеніе настоятелю Гусьской церкви, Радинскаго уѣзда, священнику Вячеславу *Хлѣбцевичу* за труды по ремонту приходскаго храма.

Перемѣнены: псаломщикъ Холмскаго каедральнаго собора Алексѣй *Новаковскій* къ Варшавской кладбищенской церкви и псаломщикъ Жулицкой церкви, Томашовскаго уѣзда, Николай *Семеновъ* къ Липской церкви, Августовскаго уѣзда — съ 15-го ноября.

Вакантны мѣста — настоятелей при церквахъ: Праснышской, Плоцкой губерніи, Кибартской, Сувалкской губ. и Витулинской, Константиновскаго уѣзда, помощника настоятеля при Сѣдлецкомъ соборѣ, діакона при Грубешовской Св. Николаевской церкви; псаломщиковъ при церквахъ: Покровской единовѣрческой, Августовской, Сувалкской губерніи, Жулицкой, Томашовскаго уѣзда, и при Холмскомъ каедральномъ соборѣ.

Умеръ въ ночь съ 7 на 8 ноября настоятель Кибартской церкви, Сувалкской губ., протоіерей Николай *Клодницкій*.

Замѣтка.

Духовныя сокровища народной мудрости. — Будь большой, а слушай и меньшихъ. — Счетъ дружбѣ не помѣха. — Безъ друга сирота, а съ другомъ семьянинъ. — Будь другъ, да не вдругъ. — Неизвѣданъ — другъ, а извѣданъ — два. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Пьешь у друга воду — слаще меду. — Умъ хорошо, два лучше, а три хотъ дѣло брось (въ книгѣ Иисуса сына Сирахова: мирствующи съ тобою да будутъ мнози, совѣтницы же твои единъ отъ тысящъ (6, 6). — Съ кѣмъ хлѣбъ соль водишь, на того и приходишь. — Спасибо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнитъ. — Въ мѣрѣ жить съ миромъ жить.

—Доброму человѣку что день, то и праздник.—Нѣтъ лучше брани, какъ, „Господь Богъ съ Вами!“ — Молодость работаетъ, старость умъ даетъ. — Чѣмъ старѣе, тѣмъ правдѣе; чѣмъ моложе, тѣмъ дороже.—Молодость плечами покрѣбче, старость головою. — Молодость не грѣхъ, а и старость не смѣхъ. — Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится. — За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ. — Гдѣ выросла сосна, тамъ она и красна.—Гдѣ кто родится, тамъ и пригодится.—Не мѣсто человѣка красить, человѣкъ мѣсто.—Не долго той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать.—Худая та птица, которая гнѣздо свое марааетъ.— Почитай отца да Бога, будетъ тебѣ повсюду дорога. — Материна молитва со два моря вынимаетъ.—Безъ отца полсироты, а безъ матери и вся сирота.—Родительское благословеніе въ водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ.—Отцовская клятва сушить, а материнская съ корнемъ вырываетъ.—Доброе братство милѣе богатства.—Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.—Не нуженъ и кладъ, коли у мужа съ женой ладъ.—На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ? — Не та хозяйка, которая говоритъ, а та, которая щи варитъ. — Горе тому, кто не порядкомъ живетъ въ дому.—Духомъ кротости (дѣйствуй), а не палкой по кости.—Ищи добра на сторонѣ, а домъ держи по старинѣ. Совѣсть съ молоточкомъ: и постукиваетъ, и послушиваетъ.—Добрая совѣсть—глазъ Божій.—За совѣсть да за честь—хочу голову снести.—Вѣкъ живи, вѣкъ учись.—Ученье свѣтъ, неученье—тьма.—Ученье—красота, а неученье—простота (или сухота). — Красна птица пѣньемъ, а человѣкъ ученьемъ. — Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.—Не перомъ пишутъ, а умомъ.— Кто хочетъ много знать, тому надо мало спать.—Дай, Боже, все самому умѣть, да не все самому дѣлать. — Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ. — Къ добру гроби, а отъ худа шестомъ отталкивайся. — Разумъ—душѣ во спасеніе, Богу на славу. — И на милость разумъ нуженъ. — Доброта безъ разума пуста.—Премудрость одна, а мудростей (мудрований) много.—Око видитъ далеко, а мысль еще дальше.— По каплѣ дождь идетъ, а дождь рѣки поитъ, рѣками моря стоятъ.—Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слышитъ, а душа.—На то и два уха, чтобы больше слушать. — Дай Богъ сказать, да не солгать.—Бойся Вышняго, не говори лишняго

духовныхъ семинарій, штатныхъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Для ознакомленія съ прошлымъ журнала можетъ служить „Систематическій указатель статей помѣщенныхъ въ Труд. Кіев. Дух. Акад.“ за 45 лѣтъ его существованія (1860—1904); какъ этотъ указатель, такъ и каталогъ книгъ, имѣющихся въ складѣ редакціи для продажи, высылаются по первому требованію.

Мастерская ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ

при Московскои школѣ Попечительства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глухонѣмыхъ
принимаетъ заказы на иконы разныхъ стилей и реставрацію.

Смѣты высылаются по первому требованію бесплатно. Бѣднымъ сельскимъ церквамъ доускается разсрочка на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Мастерская находится подъ настоятельнымъ наблюденіемъ и руководствомъ класснаго художника П. В. Ведяпина.

Москва, Ордынка, Иверскій переулокъ.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ НА ВСЕЪ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

самый большой магазинъ

В. М. ФОКОМИНА

въ Кіевѣ

Подоль, Александровская улица, собственный домъ

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на журналъ

на 1906 годъ

(сорокъ седьмой).

„Труды Кіевской Духовной Академіи“.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., за границу 8 руб. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложенію доступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блажен. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ отгискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: „Библиотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/2, февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библиотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“ рекомендована для

Содержаніе: Жизнь, кончина и погребеніе Высокопреосвященнаго Іеронима, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго.—Рѣчь при отпѣваніи Высокопреосв. Іеронима, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, произнесенная Преосвященнымъ Евлогіемъ, Епископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ. — Рѣчь сказанная каедральнымъ протоіереемъ П. Каллистовымъ 3 ноября по внесеніи въ Соборъ тѣла въ Бозѣ почившаго Архіепископа Іеронима. — Слово надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Архіеп. Іеронима, произнесенное протоіереемъ Н. Мизецкимъ.—Рѣчь сказанная протоіереемъ Ю. В. Татаровымъ при гробѣ Высокопреосвященнаго Іеронима во время отпѣванія. — Рѣчь у гроба Высокопреосвященнаго Архіепископа Іеронима, сказанная ключаремъ каедральнаго собора Терентіемъ Теодоровичемъ. — Рѣчь ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета П. В. Никольскаго. — Рѣчь при погребеніи Высокопреосвященнаго Іеронима, произнесенная смотрителемъ варшавскаго духовнаго училища В. Щегловымъ. — Памяти Высокопреосвященнаго Іеронима.—О взрывѣ бомбы при возвращеніи похоронной процессіи послѣ погребенія Высокопреосвященнаго Архіепископа Іеронима.—Епархіяльныя распоряженія и извѣстія.—Замѣтка.—Объявленія.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется.—Варшава, 24 ноября 1905 года.—Цензоръ, Каедральный Протоіерей П. Каллистовъ
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.